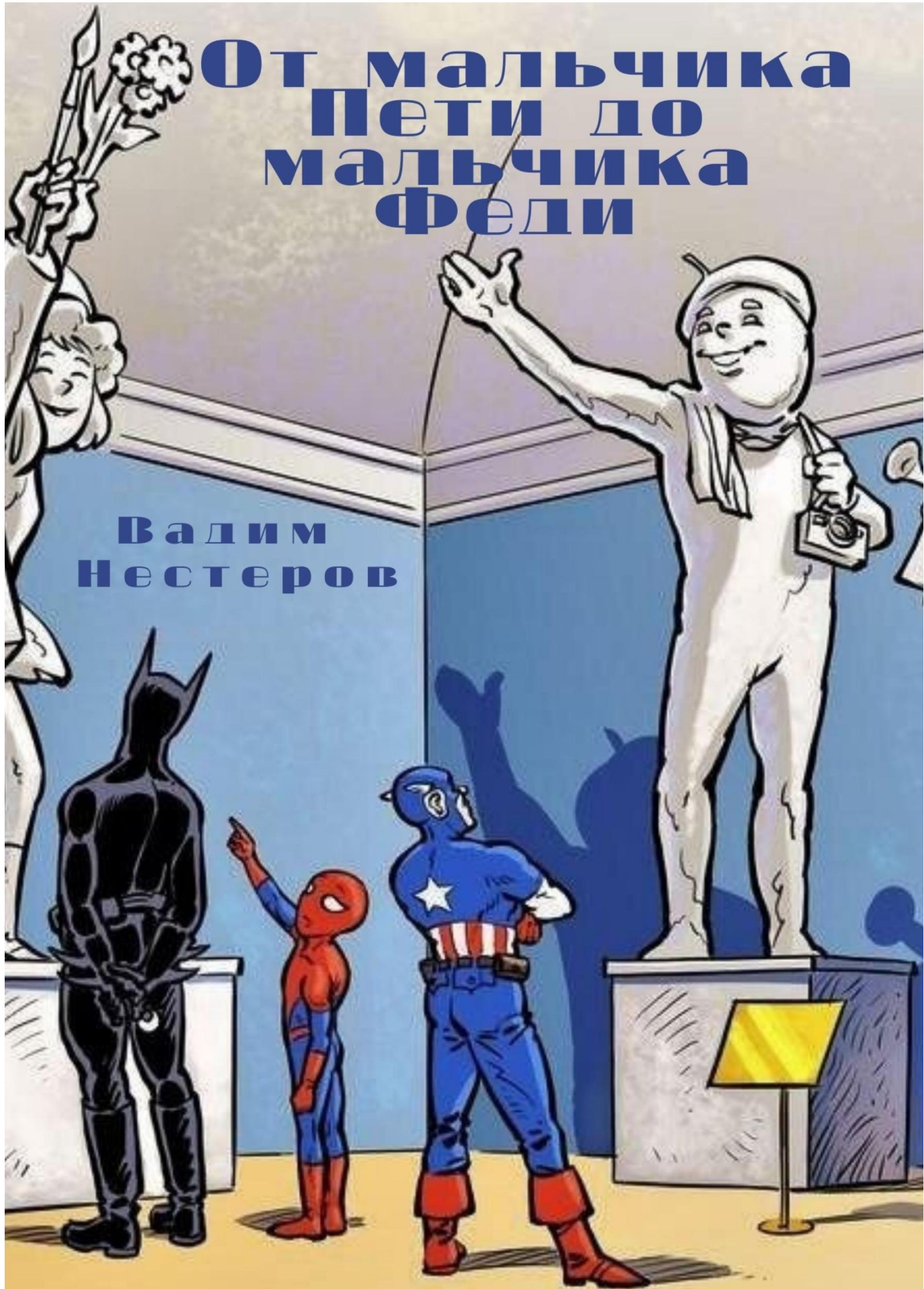

От мальчика Пети до мальчика Феди

Вадим
Нестеров

Сказки пионерского детства

Вадим Нестеров

**От мальчика Пети
до мальчика Феди**

«Автор»

2025

Нестеров В.

От мальчика Пети до мальчика Феди / В. Нестеров — «Автор»,
2025 — (Сказки пионерского детства)

Книга для всех, кто в детстве любил сказки. В ней я решил рассказать про рождение культовых сказочных героев, созданных отечественными авторами, в хронологическом порядке. Получилась эдакая история СССР в сказках. Это второй том - сказки военных и послевоенных лет, от "Сказки о потерянном времени" до "Простоквашино". А между ними - Караколь и Незнайка, Алиса Селезнева и Сергей Сыроежкин, Крокодил Гена и многие другие. Книга иллюстрирована картинками, уже перешедшими в Public domain.

© Нестеров В., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Драматургия, любимая мать гонорара	5
"А мы все время убиваем время", или тайм-менеджмент 40-х	9
Интермедия про мишкину кашу и танковые трансмиссии	15
О женской дружбе и горе-злосчастье	21
"Смотрела в прорезь синевы"	31
Долгая и бурная жизнь сиониста, поэта и функционера, данная пунктиром	35
"Говорят, под Новый год что ни пожелается..."	45
Повесть о том, как поссорился Корней Иванович с Самуилом Яковлевичем	58
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Вадим Нестеров

От мальчика Пети до мальчика Феди

Драматургия, любимая мать гонорара

Мы закончили с тридцатыми годами и переходим к советским сказкам сороковых. Да, в основном это будут сказки военных лет, но та, с которой я хочу начать этот цикл, появилась на свет еще до войны, в 1940 году.

Это пьеса Евгения Шварца "Сказка о потерянном времени".

Надо сказать, что у культовых сказок сороковых есть одна отличительная особенность – почти все они появились на свет в виде пьес.

Сейчас сказки-пьесы почти не пишут (и уж точно они не становятся бестселлерами), а тогда писали очень активно.

Почему?

Во-первых, потому, что тогда театр был примерно тем же, чем сегодня для литературы являются компьютерные игры. Альтернативным, хотя и родственным, и при этом очень популярным способом развлечения, имеющим огромную аудиторию. Театры тогда были практически в каждом городе, они были несоизмеримо популярнее, дети ходили на спектакли как сегодня в кино, и всем этим "храмам Мельпомены" надо было что-то ставить. Поэтому пьесы-сказки были востребованы на ура.

По сути, это была отдельная ниша для авторов (как сегодня – писать диалоги в компьютерных играх) и выход на другую, очень многочисленную аудиторию. Которую без внимания, разумеется, никто не оставлял. Практически все довоенные сказки очень быстро обзавелись и драматическим вариантом, то есть были переписаны в виде пьес.

Пьесу «Три толстяка» Юрий Олеша написал в 1929-м, на следующий год после публикации сказки, Алексей Толстой, как я уже говорил, практически сразу адаптировал "Буратино" для сцены, были также созданы пьесы по "Айболиту", "Хоттабычу" и т.п.

Во-вторых, в случае успеха сочинение пьес становилось очень денежным занятием. В Советском Союзе драматурги обладали недоступной более никому привилегией: они получали отчисления живыми деньгами от каждого сыгранного спектакля.

Как так получилось, и за что им была дарована эта высочайшая милость – концов уже не найти, но расклад был незыблем и цифры не менялись десятилетиями: автору пьесы надо отстегнуть от валового сбора по 1,5% за каждый акт. Поэтому пятиактная, к примеру, пьеса давала 7,5% от сбора. Отдай и не грешь.

Это очень много, и авторы популярных пьес были легальными миллионерами. В знаменитом докладе суловской комиссии Сталину приводились умопомрачительные по тем временам цифры: «Так, драматург Барянов за публичное исполнение написанной им пьесы «На той стороне» получил только в 1949 году около миллиона (920,7 тыс.) рублей процентных отчислений. Драматург Софронов в том же году получил 642,5 тыс. рублей, братья Тур – 759 тыс. рублей».

Авторы пьес стали притчей во языцех, и даже советский миллионер Михаил Шолохов, отправляя как-то в «Правду» телеграмму с просьбой оплатить заказанную газетой статью, писал: «Гонорар не получен. Скромно напоминаю, что я не драматург. Привет. Шолохов».

Дело доходило до курьезов. Однажды в Белоруссии руководитель детского кукольного театра при клубе одного из минских заводов написал для своего театра пьеску. Творение неожиданно получилось удачным, пьеска стала популярной и впоследствии была поставлена в

104 (!) профессиональных кукольных театрах СССР. После этого нищий «кружковод» с заплатой в 80 рублей в одночасье стал одним из богатейших людей республики.

В общем, драматургами хотели быть многие, и не только потому, что они завидовали славе одного лысоватого сочинителя пьес из Британии.

Одним из таких "стремящихся" и был Евгений Львович Шварц. Сразу скажу – в этой книге я не буду говорить о его сказках для взрослых – тех, что и составили ему славу: "Обыкновенное чудо", "Дракон" или "Тень" – мы здесь все-таки про детские сказки.

Также я не буду подробно рассказывать биографию Шварца, поскольку этой темы я касался в другом своем очерке "Откуда взялся Волшебник из "Обыкновенного чуда".

В этой же главе я просто напомним – Евгений Шварц очень долго не мог найти свое место в литературе и занимался тем, что сегодня именуют "литературной поденщиной": работал на заказ, писал тексты для комиксов и придумывал темы для рисунков в "Мурзилке", выпускал какие-то странные книжки.

К примеру, его "Война Петрушки и Степки Растрепки" 1925 года – это в чистом виде аналог творчества литературных негров 90-х, писавших тогда всякую раскупаемую белиберду.

"Война Петрушки и Степки Растрепки" – это что-то вроде "Незнайка против Буратино". Будущий автор "Обыкновенного чуда" просто свел в книге двух популярнейших до революции детских персонажей: носатого Петрушку и волосатого Степку Растрепку (в немецком оригинале Struwwelpeter, буквально – "Неряха Петер").

Но с какого-то момента Евгений Шварц сосредоточился на драматургии и стал писать преимущественно пьесы.

Потому что нашел свою нишу – как выяснилось, драматург Шварц великолепно работает по чужим сюжетам, и никто лучше него не может переложить известную сказку для сцены.

Помните советский фильм "Снежная королева"?

Так вот, он не по сказке Андерсена, он по пьесе Шварца. Все эти Сказочники, Советники и прочие "детей надо баловать – тогда из них вырастают настоящие разбойники" были придуманы Шварцем в процессе перегонки сказки в пьесу.

И "Снежной королевой" он вовсе не ограничился, Шварц еще до войны переложил в виде пьес «Принцессу и свинопаса» и "Красную Шапочку", «Голого короля» и "Тень".

Но если адаптации у него получались прекрасно, то там, где он пытался писать свое, часто возникало что-то странное. Как, например, в пьесе "Новые приключения Кота в сапогах" 1937 года. Там Кот, расстроенный тем, что растолстел от бездельной жизни, попрощался с маркизом Карабасом и отправился искать приключений сами знаете на что. Устроившись крысоловом на корабль, он узнал, что сын капитана Сережа ведет себя странно. Оказалось – мальчик под заклятием злой жабы! Которая к тому же постоянно программирует ребенка:

"Направо – болота, налево – лужи, а ты, Сережа, веди себя похуже. Заговорит с тобою Кот, а ты ему, Сережа, дай камнем в живот".

"Новые приключения Кота в сапогах" стали первой сказкой для детей, написанной Шварцем на собственный сюжет – и, на мой взгляд, иллюстрацией к знаменитой пословице про блин.

Но на ней он, слава богу, не остановился, и написал еще три авторские детские сказки. Ко всем четырем, кроме изначальной версии в виде пьесы, он сделал еще и прозаическое переложение.

Вторую авторскую детскую сказку Евгений Шварц сочинит только в 1940-м, и именно она станет самой популярной.

Да, это "Сказка о потерянном времени".

"А мы все время убиваем время", или тайм-менеджмент 40-х

Еще одной отличительной чертой сказок сороковых была их суровость.

"Сказка о потерянном времени" Евгения Шварца, увидевшая свет в 1940 году в № 7-8 журнала "Костер", реально пугала.

Фабулу, я думаю, все знают. Ученик третьего класса Петя Зубов, как обычно, по дороге в школу, занимался всякой фигней:

Увидел он большое магазинное окно. А в оконном стекле, как в зеркале, увидел Петя Зубов себя. Стал Петя перед окном. Поклонился сам себе. Показал себе язык. Свернул рот на сторону. Поднял левую бровь. Поднял правую. Потом прищурился. Потом вытаращил глаза во-всю. Так он стоял и строил рожи, пока не вышел из магазина заведующий и не сказал:

— Мальчик, уходи отсюда прочь. Наша кассирша думает, что это ты ее дразнишь.

Когда же он, наконец, доплелся до школы, в гардеробе выяснилось, что юный пионер почему-то стал глубоким стариком.

Его даже мама родная не узнала и выгнала. Позднее, после всяких приключений, выяснилось, что виноваты во всем злые волшебники, которые воруют у бездельничающих детей время, после чего молодеют, а дети становятся стариками.

И вот здесь у любого ребенка холодело под ложечкой. Потому что с одной стороны — кто из нас без греха, а с другой — это же вообще самое жуткое, что только может случиться с пионером. С одной стороны, снаружи ты взрослый, и потому автоматически лишаешься гарантированной поддержки и защиты взрослого мира. А с другой стороны — внутри ты ребенок и делать тебе в этом взрослом мире совершенно нечего, кроме как лечь и помереть на морозе.

Традиционные шуточки Шварца – *"Мне же даже пенсию не дадут, я же работал всего три года. Да и как работал? С двойки на тройку!"* – воспринимались при этом как изощренное издевательство.

В общем, как вы догадались, в те суровые времена с детьми особо не сюсюкали, такая их в real life, как щенят – в воду.

Кстати, в первом, журнальном варианте сказки была другая концовка. Там не было никаких настенных часов, а, чтобы спастись, Пете Зубову требовалось до вечера найти еще трех постаревших пионеров, привести их в избушку, и когда вернутся помолодевшие волшебники – трижды произнести заклинание:

*«Уна, дуна, рес,
Квинтер, баба, жес.
Вам придется туго —
Мы нашли друг друга!»*

После первого заклинания волшебники вновь обернулись стариками, после второго – стали ростом примерно с курицу,

после третьего – *"волшебники вдруг стали маленькими, как мыши. Но от этого они не стали добрее. Они бросились на ребят как бешеные"*.

Кровожадные мини-колдуны гнались за пионерами долго, и только у самого города их сожрали три кстати объявившиеся тощие кошки.

Дети остановились передохнуть. И Петя сказал радостно:

– Нет больше злых волшебников.

Вот такие сказки делали тогда в притихшем северном городе.

Потом, как мы знаем, жить стало легче и веселей, поэтому в книжном издании концовка смягчилась.

Вместо кошек-людоедов появились настенные часы, при вращении стрелок которых волшебники старели, а дети молодели. Ну и финалом – знаменитый эпизод, который рисовали, наверное, все иллюстраторы сказки

При этом стоит понимать, что "Сказка о потерянном времени" не только, как сейчас говорят, криповатая, но и с литературной точки зрения весьма и весьма не ахти. По сути, прозаический вариант представляет собой даже не пересказ, а какой-то конспект пьесы – краткий, сухой и сжатый.

Именно поэтому, когда в 1964 году сказку экранизировал великий киносказочник Александр Птушко, мы получили редкий итог – фильм оказался лучше книги. И именно после этой экранизации "Сказка о потерянном времени" вошла в золотой фонд отечественных сказок.

Сценарий Владимира Лифшица оказался более развернутым и сбалансированным, чем сказка Шварца. Конспективную фабулу разбавили множеством эпизодов (вроде конфуза Пети при работе на башенном кране) и добавили новых действующих лиц – вроде верного петиного пса Барбоса, который позже будет блистать в фильме "Морозко".

Блестящий актерский ансамбль – Олег Анофриев, Рина Зеленая, Савелий Крамаров, Сергей Мартинсон, Георгий Вицин и другие – изрядно влил жизни в схематичные образы Шварца, которые в прозаической сказке, если честно, выступали не более чем функциями.

И, самое главное – светлая атмосфера 60-х в какой-то степени сгладила мрачность сказки. В итоге фильм Птушко, несмотря на более чем солидный возраст, и сегодня в строю, его с удовольствием смотрят и сегодняшние дети.

Правда, в самые напряженные моменты они все равно пригружаются и мрачают. Но тут уж ничего не поделаешь: дети – это Шварц, Шварц – это дети. Шварц со всеми разговаривает только по-взрослому.

Тем и ценен.

Что же касается мультфильма "Сказка о потерянном времени" 1978 года, то у него есть только одно, но несомненное достоинство.

Это – сочиненные для мультфильма песни Сергея Никитина на стихи Юнны Мориц: "А мы все время убиваем время", "Старики не ходят в школу, хорошо быть стариком!" и т.п. Как писал один из моих читателей: "Советские детские песни – это феномен какой-то. Фильм по сути – плюнуть и забыть, но саундтрек в нем – космос, Голливуд рыдает! Реально на века песни делали".

Ну и последнее, чтобы закончить с детскими сказками Шварца.

Ободренный успехом "Сказки о потерянном времени", он быстро написал еще одну детскую сказку и выпустил ее в том же ленинградском "Костре" совсем уже перед войной, в марте 1941 года.

ДВА БРАТА

Е. ШВАРЦ

Сказка

Рисунки Б. Семенова

Деревья разговаривать не умеют и стоят на месте как вкопанные, но все-таки они живые. Они дышат. Они растут всю жизнь. Даже огромные старики-деревья, и те каждый год подрастают, как маленькие дети.

Стада пасут пастухи, а о лесах заботятся лесничие.

И вот, в одном огромном лесу жил-был лесничий по имени Черныболов. Он пошел

магазинам ходить. А вдвоем ехать тоже нельзя. Без родителей старший брат младшего совсем погубит.

Старший был мальчик умный. Он хорошо учился, много читал и умел убедительно говорить. И вот он стал убеждать отца, что ни за что он не обидит Младшего и что дома все будет в полном порядке, пока родители не вернутся из города.

Сказка называлась "Два брата", она была еще более пугающей и мрачной и оттуда уже совсем явственно тянуло запахом Той Стороны.

По крайней мере, Прадедушка Мороз, в рабство к которому попадает главный герой, является наитипичнейшим представителем нелюди: *"Не доброе и не злое лицо его было до того спокойно, что у мальчика сжалось сердце"*.

Нелюдь, как всем известно, не злая и не добрая – она просто донельзя опасная. Потому что любой человек ей изначально чужой и в ее восприятии от камня под ногами не сильно отличается:

"Дедушка Мороз – мой сын. Я проклял его. Этот здоровяк слишком добродушен. Я – Прадедушка Мороз, а это совсем другое дело, мой юный друг".

Хорошо, хоть художники тогда были добрыми, никакой жести не рисовали (а они такое любят!), и иллюстрациями скорее смягчали, чем подчеркивали крипоту текста. Вот как, например, великий Кочергин изобразил один из самых страшных эпизодов сказки.

В общем, одну из древнейших (и главнейших!) функций сказочника – пугать слушателей до усрачки – Шварц выполнял великолепно. И никакие привычные шуточки вроде: *"Отец сказал, что елки к Новому году он им не устроит. За елочными украшениями надо ехать в город. Маму послать – ее по дороге волки съедят. Самому ехать – он не умеет по магазинам ходить"* – ситуацию не спасали.

Подобрел сказочник только к концу войны. Наверное, весной 45-года пугать детей даже у этого мизантропа рука не поднялась.

Поэтому последняя детская сказка Шварца – "Рассеянный волшебник" – увидевшая свет в марте 45-го, это такая легкая шутка, а шутить он всегда умел.

"Наверно, в следующей жизни, когда я стану кошкой, на-на, на-на...". В общем, там лошадь сначала превратили в кошку, а потом обернули обратно лошадью. Если не вспоминать *"... да стану я кошкой, грустной, печальной и черной такой, покамест я снова не стану собой"* – так и вообще все хорошо.

Но с "Рассеянным волшебником" я забежал вперед. До 1945-го нам еще добраться надо, поэтому сейчас мы возвращаемся к сказкам военных лет.

Интермедия про мишкину кашу и танковые трансмиссии

Прежде, чем продолжить рассказ про сказки сороковых годов, немного отвлекусь и скажу пару слов о сказках военных лет. У нас почему-то считается, что в войну все было только для фронта и для победы – но это не так. Люди не могут жить только войной, особенно – маленькие люди.

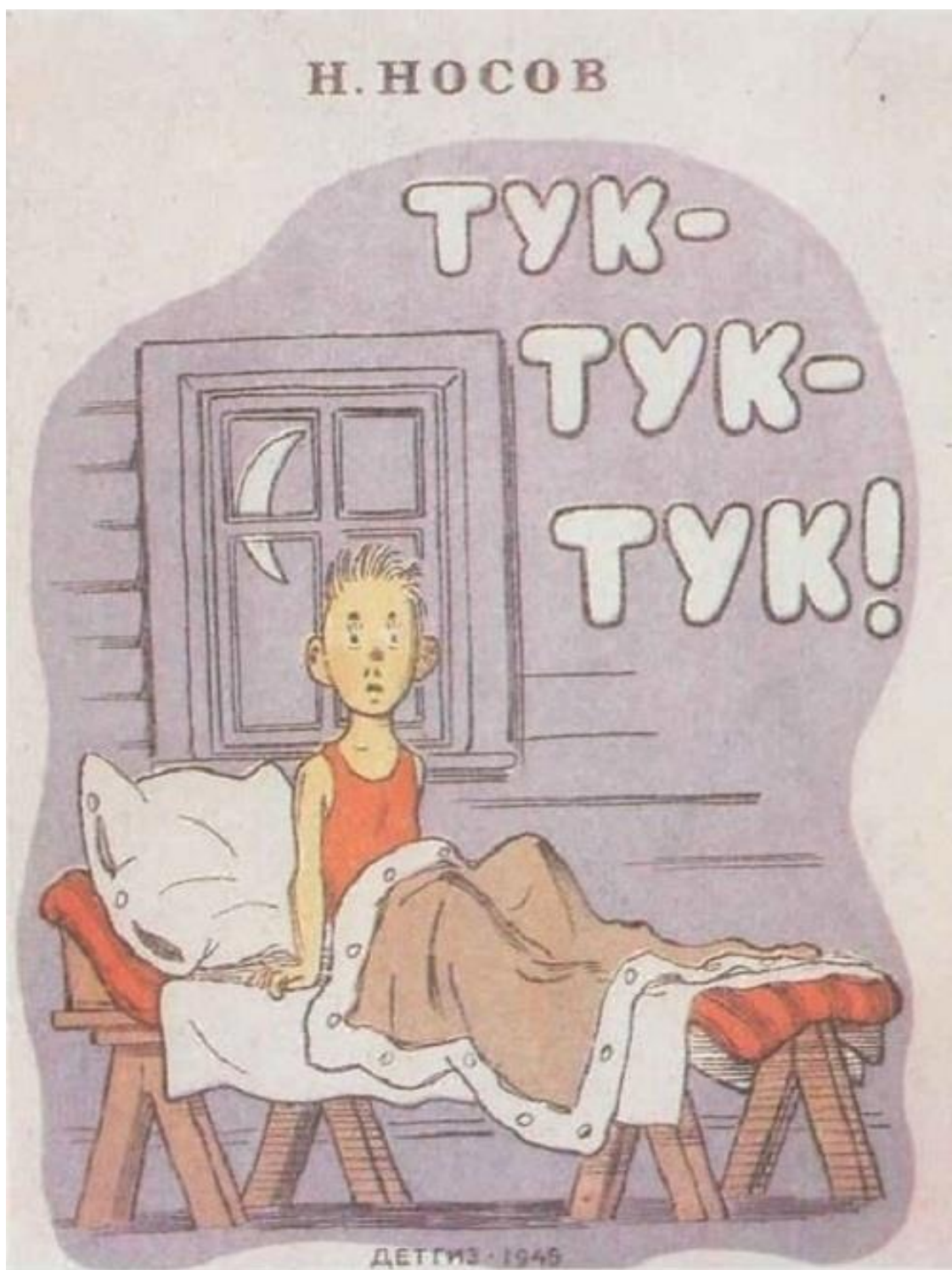
Поэтому в военные годы советские сказочники продолжали писать сказки, советские издатели их печатали и даже не все эти сказки были про войну и необходимость бить фашистов.

Скажу больше – чаще всего эти сказки были не про войну. И не только сказки.

Помните писателя Николая Носова? О его великих сказках мы поговорим чуть позже, а сейчас я хочу вспомнить его знаменитые рассказы из условного цикла «однажды мы с Мишкой». Да, те самые – как они кашу варили, пеньки ночью выворачивали, щенка в чемодане возили и т.п. А вот теперь ответьте, пожалуйста, на вопрос – когда происходит действие этих рассказов? В какие годы это все происходит?

Обычно разброс мнений довольно велик – от тридцатых по «оттепельным» шестидесятым. Вариантов ответов масса, любых – кроме правильных.

А правда заключается в том, что рассказы Носов начал писать незадолго до войны (первая публикация – 1938 год), но самые знаменитые, самые светлые и запоминающиеся писались в самые страшные годы. С сорок первого по сорок пятый – «Мишкина каша», «Дружок», «Огородники»... Последний рассказ этого цикла, «Тут-тук-тук», был написан в конце 1944 года, и в 1945 у начинающего писателя вышла первая книжка – сборник рассказов «Тут-тук-тук» с рисунками молодого художника Генриха Валька.

Самое главное – когда знаешь отгадку, сразу просыпается досада – ну как же, все же понятно! У всех малолетних героев только мамы, куда папы делись – непонятно. Да и вообще мужских персонажей на весь цикл совсем немного, я вспомнил только довольно таки пожилого, судя по всему, "дядю Федю" в электричке, который все возмущался декламацией стихов, да вожатого Витю, старшеклассника. До предела аскетичный быт, варенье с хлебом в качестве лакомства...

Но все-таки войны там нет. Ни словом, ни намеком, ни духом. Думаю, не надо объяснять – почему. Потому что это – для детей. Для детей, которым и без того жизнь отмерила столько, что не дай бог нам это узнать.

И все-таки – как? Как он смог это сделать? Ответ может быть только один – вот этим и отличается настоящий детский писатель от поддельного.

Это чудо впечатляет еще сильнее, если вспомнить, что свои рассказы Николай Носов писал в редкие минуты свободного времени, которого у него было совсем немного. Потому что в войну будущий писатель Носов работал на студии «Воентехфильм», где снимал учебные фильмы для танкистов.

А чему вы удивляетесь?

Николай Носов по первой профессии был режиссером-документалистом.

Юный киевлянин Николай Носов серьезно увлекался фотографией, а потом и кинематографом, поэтому в 19 лет поступил в Киевский художественный институт, из которого позже перевелся в Московский институт кинематографии, который и закончил в 1932 году сразу по двум факультетам – режиссерскому и операторскому.

Нет, он не стал великим кинорежиссером, он вообще художественных фильмов не снимал.

Всю всю жизнь писатель увлекался техникой, что, собственно, очень заметно по его книгам. Помните, как самозабвенно он описывает устройство любого механизма – будь то самодельный инкубатор для вывода цыплят, или автомобиль на газированной воде с сиропом?

Поэтому режиссер Носов снимал научно-популярные и учебные фильмы, и делал это двадцать лет, с 1932 до 1952 год. В 1952 году, будучи уже известным писателем, он получил Сталинскую премию за повесть "Витя Малеев в школе и дома" и только после этого окончательно решился уйти на "литературные хлеба"

Эта любовь к технике не раз выручала его во время войны. Уже после смерти писателя его вдова Татьяна Федоровна Носова-Середина в книге "Жизнь и творчество Николая Носова" рассказала забавный эпизод.

Будущий писатель делал фильм об устройстве и работе английского танка «Черчилль», поставляемого в СССР из Англии. Возникла большая проблема – присланный на киностудию образец никак не желал разворачиваться на месте, а делал это исключительно по большой дуге. Съемки срывались, техники ничего сделать не могли, и тогда Носов попросился в танк – понаблюдать за действиями водителя. Военные, конечно, посмотрели на штатского режиссера как на идиота, но пустили – на съемочной площадке тот вроде как главный.

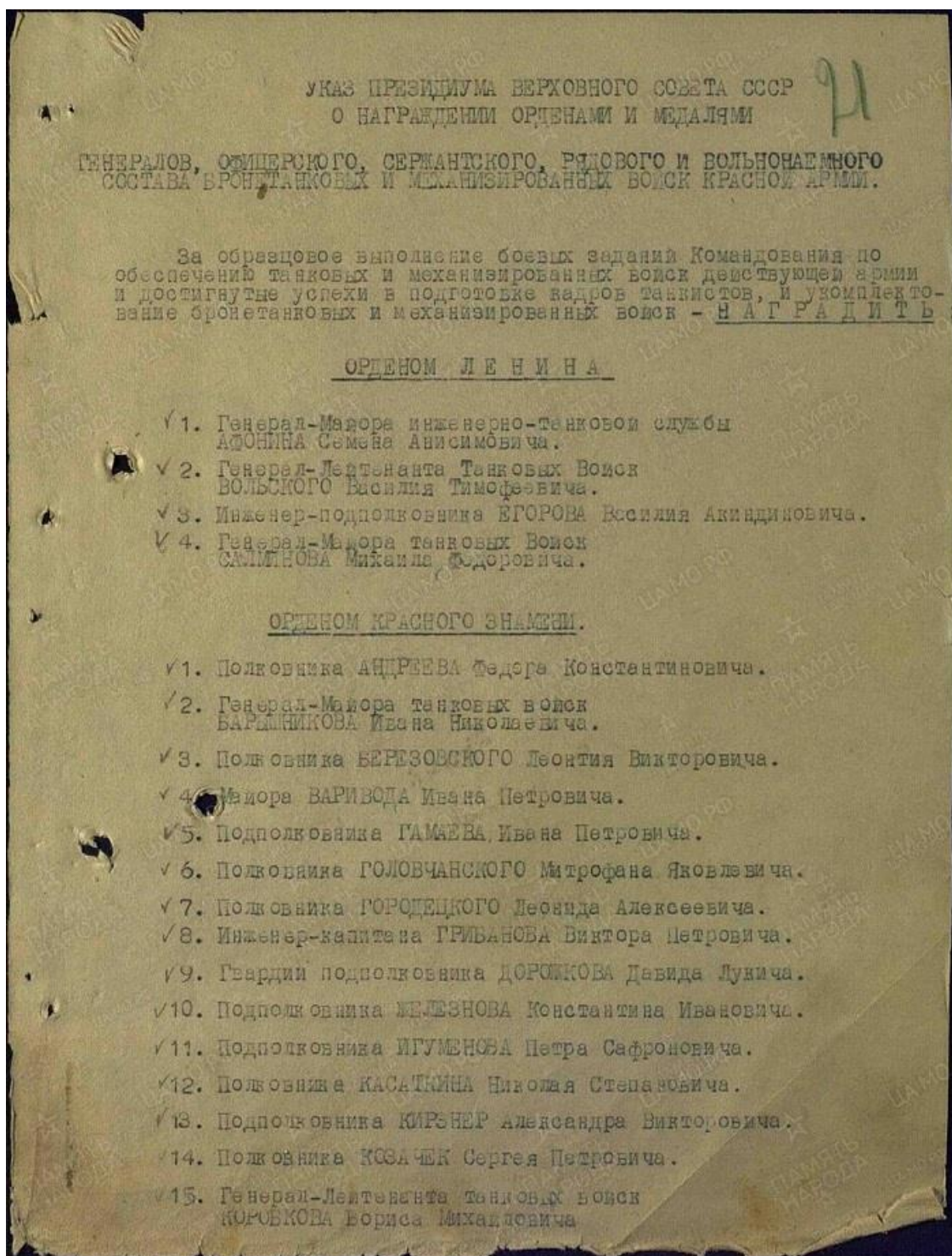
А дальше... Дальше было вот что:

"До этого Николай Николаевич работал над учебным фильмом о тракторах и вообще хорошо разбирался в машинах, но танкист, конечно, этого не знал. Ругая почему зря иноземную технику, он включал двигатель и опять выделывал танком нелепые кривые, а что касается Николая Николаевича, то он сосредоточенно следил за рычагами, снова и снова просил танкиста проделывать танком поворот то в одну сторону, то в другую, пока, наконец, не обнаружил ошибку. Когда танк в первый раз очень грациозно сделал оборот вокруг своей оси, работники студии, наблюдавшие за его работой, зааплодировали. Водитель был очень обрадован, но и смущен, он извинился перед Носовым и никак не хотел поверить, что тот знает технику просто как любитель".

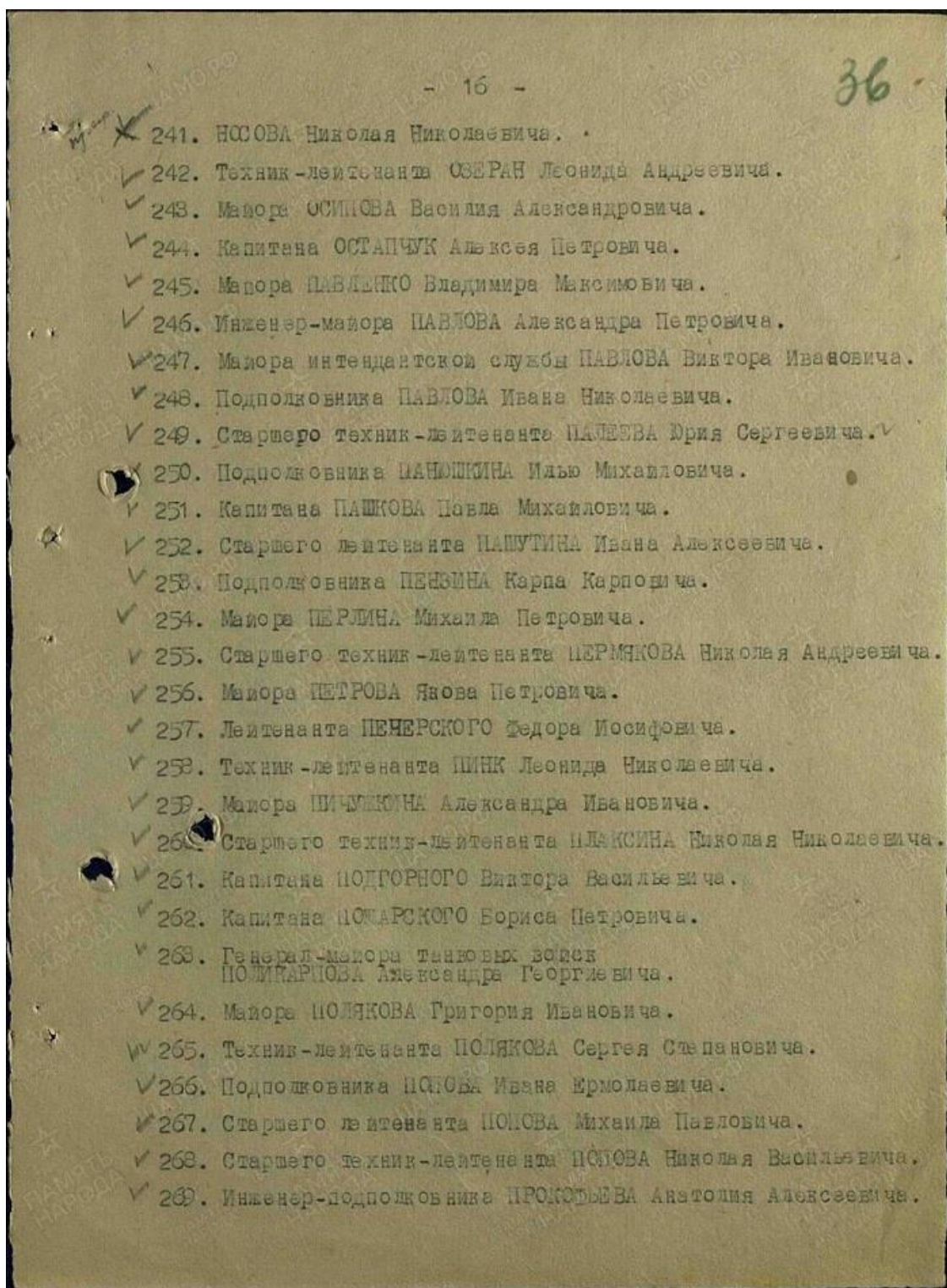
Вскоре вышел учебный фильм Николая Носова «Планетарные трансмиссии в танках», где "Черчилль" выписывал пируэты под "Лунную сонату" Бетховена.

А потом...

Потом на свет появился любопытный документ – Указ Президиума Верховного совета СССР о награждении орденами и медалями. Там, под шапкой "За образцовое выполнение боевых заданий Командования по обеспечению танковых и механизированных войск действующей армии..." значились фамилии генерал-лейтенантов, капитанов и прочих "старшин да майоров".

И только одна фамилия – без воинского звания. Просто Носов Николай Николаевич.

Просто Носов Николай Николаевич награждался орденом Красной Звезды.

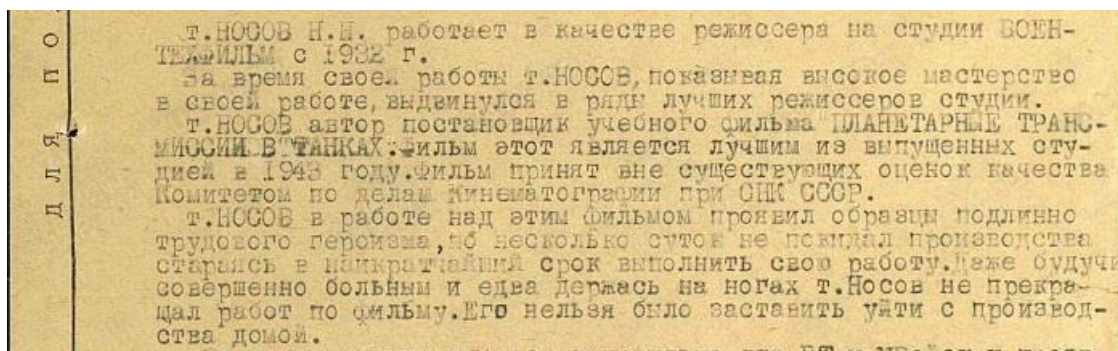
За что? Об этом было написано в представлении:

"т. Носов Н. Н. работает в качестве режиссера на студии "Воентехфильм" с 1932 года.

За время своей работы т. Носов, показывая высокое мастерство в своей работе, выдвинулся в ряды лучших режиссеров студии.

т. Носов автор-постановщик учебного фильма "Планетарные трансмиссии в танках". Фильм этот является лучшим из выпущенных студией в 1943 году. Фильм принят вне существующих оценок качества Комитетом по делам кинематографии при СНК СССР.

т. Носов в работе над этим фильмом проявил образцы подлинного трудового героизма, по несколько суток не покидал производство, стараясь в наикратчайший срок выполнить свою работу. Даже будучи совершенно больным и едва держась на ногах, т. Носов не прекращал работ по фильму. Его нельзя было заставить уйти с производства домой".

По рассказам, этой своей наградой писатель гордился больше всего.

Больше, чем орденом трудового Красного Знамени, полученным за литературную деятельность, больше, чем Сталинской или Государственной премиями.

О женской дружбе и горе-злосчастье

Сегодня у нас рассказ о сказке "Город мастеров", но, как это часто бывает, зайду я изда-лека.

Когда в 1933 году было создано знаменитое издательство "Детская литература" – вернее, тогда еще "Детгиз" – первым главным редактором издательства стал Самуил Яковлевич Маршак.

Он привлек множество выдающихся людей, но основную издательскую работу в ленинградском отделении тащили четыре девушки.

Четыре интеллигентные барышни, познакомившиеся и подружившиеся еще в студенческие годы, во время учебы на литературном факультете Ленинградского института истории искусств. Впрочем, этот вуз все обычно звали просто "Зубовским институтом".

Это было весьма занятное учебное заведение, созданное на собственные средства графом Валентином Платоновичем Зубовым – из тех самых Зубовых.

После революции, из-за хороших отношений Зубова и Луначарского, институт не только не был закрыт, но наоборот – изрядно расцвел и расширился. Ему даже было передано знаменитое издательство Academia, а на профессорские должности остававшийся директором граф сумел набрать самый цвет питерской науки.

Вот у этих-то корифеев и выучились к 1930 году четыре девушки из приличных семей. Это Лидия Чуковская, дочь Корнея Чуковского,

всегда художавая Александра Любарская,

серьезная Зоя Задунайская

и пышная блондинка Тамара Габбе.

Но если Чуковская осталась в истории прежде всего как известная советская диссидентка, то оставшиеся трое вписали себя не в политику, а в литературу.

Эти дипломированные литературоведы-редакторши имели не самый легкий характер, они постоянно ругались с будущими великими писателями (Шварц, к примеру, как-то не

выдержал и написал длинную телегу в стиле "Почему Габбе не права") – но при этом они очень много сделали для советской сказки.

Я уже рассказывал, как Любарская с Задунайской сделали русскую версию сказки Сельмы Лагерлеф «Путешествие Нильса с дикими гусями», Любарская также подготовила пересказ «Калевалы», выпустила сборники «Волшебный колодец», «В тридевятом царстве, в тридесятом государстве», «По дорогам сказки». Задунайская, кроме Нильса, самостоятельно и в сотрудничестве с Габбе переработала и пересказала «Сказки народов Прибалтики», китайские, итальянские, молдавские и сказки многих других народов.

Наконец, Тамара Габбе не только в соавторстве с Зоей Задунайской сделала детский пересказ романа Джонатана Свифта «Путешествия Гулливера», а вместе с Любарской – сборник «По дорогам сказки». Не только подготовила очень значительную работу в области фольклористики «Быль и небыль. Русские народные сказки, легенды, притчи», которая вышла уже после ее смерти. Не только перевела и пересказала французские народные сказки, сказки Перро, сказки Андерсена, братьев Гримм.

Она еще и – вполне заслуженно – считалась одним из лучших литературных редакторов страны. Именно Габбе много лет редактировала все книги Маршака, а за подготовленный ею к печати роман «Студенты» Юрий Трифонов получил Сталинскую премию.

Наконец, она сама писала сказки.

Но к этому Тамара Габбе пришла, только когда ей стало совсем плохо. В войну. Ее первая сказка появилась в 41-м, а главная – в 43-м.

Наверное, самыми счастливыми годами ее жизни были первые годы работы в "Детгизе", когда все были молодыми, смешливыми, жили одной мечтой и одной командой. Когда она ругалась со Шварцем, а писанный красавец и записной бабник Николай Олейников клеился ко всем подряд, сочиняя любовные мадригалы то Любарской:

*Когда бы при рождении
Я мухой создан был,
В сплошном прикосновении
Я жизнь бы проводил.
Я к вам бы прикасался,
Красавица моя,
И в обществе считался
Счастливчиком бы я.
то ей:
Возле ягоды морошки
В галерее ботанической
На короткой цветоножке
Воссиял цветок тропический.
Это Вы – цветок, Тамара,
А морошка – это я.
Вы виновница пожара,
Охватившего меня.*

К сожалению, пророческими оказались совсем другие вирши Олейникова – отрывок из стихотворения *"Тенриху Левину по поводу влюбления его в Шурочку Любарскую"*:

*...Страшно жить на этом свете,
В нем отсутствует уют, —
Ветер воет на рассвете,
Волки зайчика грызут...*

Их взяли по "делу харбинцев", по которому еще летом арестовали Олейникова, и обвинили в шпионаже в пользу Японии. Как вспоминала позже Любарская: «В ночь с 4-го на 5 сентября 1937 года были сразу арестованы писатели С. Безбородов, Н. Константинов, директор Дома детской литературы при Детиздате А. Серебрянников, редакторы Т. Габбе и я. <...> Редакторов, наиболее тесно связанных с арестованными, – З. Задунайскую, А. Освенскую и

Р. Брауде, – уволили "по собственному желанию" в тот же день, 5 сентября, едва они пришли в издательство. Редакция была разгромлена".

По меркам тех времен Габбе отделается легким испугом – уже в декабре 1937-го ее оправдают, так как «имеющимися материалами» «виновность... не подтвердилась».

Дело Любарской затянется, "Шурочка" отсидит полтора года, и выйдет только после падения Ежова, в 1939-м.

Оправданная Габбе настояла на восстановлении в Детгизе, а Любарская устроилась работать в детском отделе Ленрадиокомитета.

Но неприятности Тамары Габбе на этом не закончились. В 1941 году арестовали ее мужа, Иосифа Гинзбурга. В 1945-м он погибнет в лагере во время страшного наводнения.

С началом войны ее единственный брат ушел на фронт, и, как и миллионы других мужчин, сержант Михаил Габбе погиб за Родину.

Сама Тамара Григорьевна с матерью и отчимом останется в Ленинграде и переживет там первую – самую страшную – блокадную зиму.

Однажды Маршак с оказией передаст Габбе из Москвы посылку с продуктами – половину она отдаст Любарской. "Пусть говорят, что дружбы женской не бывает...", угу.

В 1942-м их вывезут по Дороге Жизни – в крайней степени дистрофии. Позже Габбе писала в письме Чуковской: *«Когда я приехала из Ленинграда, люди смотрели на меня даже с некоторым страхом, – особенно те, кто знал раньше. Я пережилась очень! Большие, чем Шура, которая, как Вы знаете, была тяжело больна и, в сущности говоря, выкарабкалась почти чудом. В тот день, когда я провожала ее в "Асторию", в стационар, и несла ее рюкзак (она сама уже не могла его тащить), я со страхом смотрела на ее серо-голубые щеки, на складки у губ, на потускневшие глаза. Но ко времени нашего переезда сюда, она уже была опять похожа на себя, а вот я – так совсем была не похожа на ту, какой была прежде. Я исхудала патологически. <...>Сейчас я уже не такая, хотя и теперь Шура (подумайте – Шура!) кажется, пожалуй, основательнее меня».*

Именно тогда, в прямом смысле слова вырвавшись от смерти, Тамара Габбе сядет писать сказку.

Свою лучшую, на мой взгляд, сказку.

Поскольку сочинять стихи Тамара Габбе себе запретила еще в 15 лет, пришлось идти на поклон к Маршаку.

И старый учитель не подвел.

Вышедшую в 1943 году сказку «Город Мастеров, или Сказка о двух горбунах» открывают стихи Самуила Маршака:

Когда это было?

В какой стороне?

Об этом сказать мудрено:

И цифры и буквы

У нас на стене

От времени стерлись давно...

Но сказка заслуживает отдельной главы.

"Смотрела в прорезь синевы"

Сказка "Город мастеров" появилась на свет в 1943 году и это очень чувствуется.

Всю жизнь профессионально занимавшаяся сказками Тамара Габбе написала пьесу "Город мастеров, или Сказка о двух горбунах" на основе малоизвестной валлонской сказки "Караколь и Бистеколь".

Там тоже есть два горбун – добрый и злой.

Но пьеса Габбе получилась совсем непохожей на исходник. Это очень военная сказка, потому что в оригинале "Город мастеров" – рассказ о жизни в оккупации.

Очень честный, и потому достаточно жесткий рассказ. В пьесе часто поминается тема предательства, причем постоянно напоминает, что предают бывшие свои. Те, с которым ты родился в один день (как Караколь и Клик-Кляк) и вместе рос.

Там есть и кровоточащая боль проигрывающих, не понимающих, почему мы оказались так слабы – пьеса все-таки писалась, когда все было очень плохо.

Вероника. Ты шутишь, Караколь!

Караколь. Нет, мне совсем не до шуток!

Лориана. Первый раз слышу, что Караколю не до шуток! Да и ты, Вероника, кажется, испугалась...

Маргарита. Нашли кому верить! Мало ли что болтает Клик-Кляк. Мастер Фирен ни за что не отдаст дочку за Мушера.

Караколь. Если бы на то была воля мастера Фирена, он бы и сына не отпустил скитаться по лесам.

Лориана. У нас в городе найдутся люди, которые постоят за Веронику.

Караколь. Наш город не сумел постоять за себя. Ну, прощайте, Вероника, мне пора.

Но все-таки главная тема в пьесе; тема, которой буквально пропитан текст – это непоколебимая убежденность в нашей победе. Собственно, с этого и начинается "Город мастеров".

(Опять берется за метлу. Подметая, доходит до подножия статуи.) Здорово, Большой Мартин! Как дела? Ох, сколько сору накопилось у твоих ног! Площадь и не узнаешь с тех пор, как пожаловали сюда эти чужеземцы!.. Ну да ничего! Все это мы выметим, выметим... И будет у нас опять чисто, хорошо...

Но при этом пьеса Габбе вовсе не прямолинейная агитка, автор вовсе не увлекается пропагандой параллелей с СССР времен войны, скорее уж наоборот. Стилистика европейского Средневековья в пьесе выдержана безукоризненно, это стопроцентно европейская сказка. С цехами, ратушей, цепью бургомистра, животными с городского герба и боевым девизом, выгравированным на волшебном, как выяснилось, мече: «*Прямого сгибаю, согнутого выпрямляю, павшего поднимаю*».

Наверное, поэтому экранизация "Города мастеров", снятая в 1965 году на "Беларусь-фильме" Владимиром Бычковым, получилась очень "европейской". И не только потому, что фильм снимался в Таллине, почти целиком уместившись на перекрестке улиц Лаборатории и Айда.

Но имейте в виду – фильм и пьеса довольно сильно отличаются. Хотя, наверное, с удачными экранизациями по-другому не бывает.

Дело даже не в том, что в фильме убрали животных с герба или линию с волшебным мечом Гайаном, из-за чего воскрешение Караколя, в пьесе безукоризненно объясненное, в фильме происходит по принципу "и тут он – хоба! – и воскрес".

Нет, просто фильм – совсем другой. Он дитя другого времени, поэтому в нем исчезли стылый холод и мужество отчаяния 43-го, но взамен появились солнце, краски и радость 60-х.

Краски вообще играют в фильме особую роль, Михаил Львовский в своей рецензии совершенно справедливо написал: *«Цвет становится элементом драматургии фильма»*.

Синие лица захватчиков, красные одежды мастеров, черные плащи оккупантов... Не случайно фильм начинается с художника, стоящего за мольбертом – одно из первых появлений на экране Зиновия Гердта.

Поскольку фильм снимался уже после смерти Тамары Габбе, сценарий написал Николай Эрдман, один из лучших советских драматургов, непревзойденный мастер афоризмов и шуток. Именно он привнес в фильм огромное количество "мемов", доживших до наших дней: от *"Больше двух не собираться!"* до *"Вот казню метельщика – и в отпуск!"*. В те времена даже над физическими недостатками еще можно было шутить: *"Ну что вы, ваша светлость! У вас и ноги тоньше, и горб больше, и вообще вы гораздо симпатичнее!"*.

Для детской сказки в фильме невероятное количество "высокого искусства" – достаточно вспомнить, что кто написал музыку, которая в фильме играет огромную роль. А сделал это Самый Великий И Ужасный Питерский Композитор Олег "наволочка на голове" Каравайчук, который, безусловно, был гением, пусть даже безумным. Композитор также выступил в качестве дирижера и даже снялся в роли городского музыканта дядюшки Тимолле.

Там вообще много кто снимался.

Лев Лемке, звезда питерской театральной сцены, которому очень не везло в кино, сделал из своего горбатого герцога де Маликорна одного из самых жутких кинозлодеев. *"Дорогу герцогу де Маликорну!"*.

Марианна Вертинская была невероятно органична в роли средневековой красавицы и имя "Вероника" еще долго служило маркером красавицы.

Роль Караколя была дебютом для Георгия Лапето, и дебютом настолько удачным, что, к сожалению, так и осталась лучшей ролью этого одаренного актера.

Да что говорить – там даже Миколас Орбакас снялся в роли трубочиста – это который будущий муж Пугачевой и папа Орбакайте.

Вообще, главная уникальность этого фильма в том, что его создатели сумели выдержать баланс между эстетичностью и развлекательностью, не свалившись ни в занудство *"я гений, я так вижу"*, ни в разухабистость *"вам, колхозникам, сойдет"*.

В итоге фильм, не став шлягером, из-за своей необычности часто становился событием для юного зрителя потому надолго запоминался. Его бывшие юные зрители и в сегодняшнем предпенсионном возрасте прекрасно его помнят и мгновенно реагируют на фразы вроде *"Долой иноземных шолдат"*, *"Слон сосет соску"* и, конечно же, *"Умер! Умер проклятый метельщик!"*.

Очень жалко, что автор фильм не увидела, но Тамара Габбе вообще была очень невезучим человеком.

Всю свою жизнь она занималась сказками – разыскивала сказки, переводила сказки, редактировала сказки, пересказывала сказки, писала сказки.

Сказать, что судьба ее не баловала – это ничего не сказать.

Арест по ложному обвинению в 1937-м. Арест мужа в 1941-м, его гибель в лагере. Замуж она больше не вышла. Гибель единственного брата на фронте. Блокадная зима. Дистрофия. Эвакуация с мамой и отчимом по Дороге Жизни. В Москве им дали две комнаты в коммуналке, одна – размером со шкаф.

Вскоре после войны маму разбил паралич и 8 лет сказочница будет ухаживать за парализованной мамой, практически не выходя из дома. Ее подруга Лидия Чуковская, как всегда, не деликатничая в выражениях, написала: *«14 лет жизни в шкафу, из которых 8 в этом же шкафу она день и ночь ухаживала за парализованной больной»*.

А что сделаешь? Никто не виноват. Старики были на ней, и она тянула их почти всю жизнь. *"Я не позволяю себе мечтать о смерти, – откровенничала она. – Это было бы не по-*

товарищески, свинство. Это то же, что самой уехать в санаторий, а других оставить распутываться, как хотят".

В 1956 году умрет отчим, заменивший ей отца, и она год будет обманывать мать, рассказывая о его пребывании то в больнице, то на реабилитации в санатории. Через год умрет мама.

За время болезни матери она написала всего одну сказку – «Оловянные кольца», или, по-другому, «Волшебные кольца Альманзора».

Ну, не до сказок было.

Казалось – все можно нагнать потом.

Но вскоре после смерти матери у Тамары Григорьевны обнаружили рак. Когда ей сделали операцию, увидели, что метастазы уже ушли в печень.

В марте 1960-го сказочницы Тамары Габбе не стало. И после ее смерти Корней Чуковский с редкой для себя откровенностью писал Маршаку:

"Из-за своей глупой застенчивости я никогда не мог сказать Тамаре Григорьевне во весь голос, как я, старая литературная крыса, повидавшая сотни талантов, полуталантов, знаменитостей всякого рода, восхищаюсь красотой ее личности, ее безошибочным вкусом, ее дарованием, ее юмором, ее эрудицией и – превыше всего – ее героическим благородством, ее гениальным умением любить.

И сколько патентованных знаменитостей сразу же гаснут в моей памяти, отступают в задние ряды, едва только я вспомню ее образ – трагический образ Неудачности, которая наперекор всему была счастлива именно своим умением любить жизнь, литературу, друзей".

Она действительно была очень талантлива, но из-за того, что горе-злосташье никак не хотело от нее уходить, написала всего несколько сказок.

Но это хорошие сказки.

Удивительно добрые – особенно, если вспомнить про обстоятельства.

Очень мудрые.

Объясняющие детям правильные вещи.

Как откровенничает Старуха-Сказка в прологе "Колец Альманзора": *"Например, отличать поддельное от настоящего, простоту – от глупости, ум – от хитрости, гнев – от злости... Учу не бояться страха, смеяться над тем, что смешно, черное называть черным, а белое – белым..."*.

Ну и последнее.

Фантастическая повесть братьев Стругацких "Далекая Радуга" завершается тем, что восемь несостоявшихся нуль-перелетчиков поют песню:

*Когда, как темная вода,
Лихая, лютая беда
Была тебе по грудь,
Ты, не склоняя головы,
Смотрела в прорезь синевы
И продолжала путь...*

На самом деле эти стихи – эпитафия Самуила Маршака своей лучшей ученице Тамаре Габбе, высеченные на ее надгробном памятнике.

Ну а мы возвращаемся к сказкам военных лет.

Долгая и бурная жизнь сиониста, поэта и функционера, данная пунктиром

Мы возвращаемся к сказкам, сочиненным в военные годы.

Как я уже говорил, стихи и песни к сказке "Город мастеров" по просьбе Тамары Габбе сочинил ее учитель – Самуил Яковлевич Маршак.

Одна из них – песня Караколя – начиналась следующим четверостишием.

*Двенадцать месяцев в году,
Считай иль не считай,
Но самый радостный в году —
Прекрасный месяц май.*

И эти строчки напоминают нам, что, помогая ученице писать "Город мастеров", мэтр детской литературы одновременно работал над собственной сказкой, которая называлась "Двенадцать месяцев".

Обе пьесы вышли почти одновременно – в 1943 году.

Но прежде, чем рассказать о сказке, я хочу сказать буквально несколько слов о ее авторе.

С одной стороны – в этой книге Маршака обойти никак не получится. Он был не только замечательным писателем, поэтом и переводчиком, но и крупным литературным функционером, во многом определявшим облик советской детской литературы.

С другой стороны – Самуил Маршак прожил очень долгую, и – что важнее – очень насыщенную жизнь. Достаточно сказать, что первые шаги в литературе ему помог сделать великий русский критик Владимир Стасов (автор термина "Могучая кучка" и один из создателей движения художников-передвижников, на фото Маршак в центре).

Лев Толстой называл его "вундеркиндом", а сам он в ранней юности несколько лет прожил на даче у Горького в Крыму (на фото).

А с другой стороны – мостиком к нам – последним литературным секретарем Маршака был известный тележурналист Владимир Познер.

При этом, как всякий крупный функционер, Маршак был очень непростой фигурой, поэтому хотя бы краткий пересказ его жизни, изложенный с учетом всех нюансов, займет у меня половину книги.

Подумав, я решил воспользоваться приемом "галопом по Европам" и поведать только несколько эпизодов из его бурной жизни – парочку из молодости и парочку из старости. Зато у вас будет представление о разнообразии интересов нашего героя.

Для начала, фамилия "Маршак" – это не слово, а аббревиатура. Что-то вроде КПСС или МВД. На иврите это сокращение от фразы «Наш учитель рабби Аарон Шмуэль Кайдановер». Все Маршаки, живущие на Земле – потомки учеников этого известного раввина и талмудиста.

В молодости Самуил Яковлевич Маршак был убежденным сионистом. Его дебют в литературе – вышедший в 1907 году сборник стихов с характерным названием "Сиониды", целиком посвященный воспеванию проекта возвращения евреев на гору Сион. Одно из стихотворений («Над открытой могилой») было написано на смерть «отца сионизма» Теодора Герцля.

Четыре года спустя вместе с группой еврейской молодежи совершил большое турне по Ближнему Востоку, результатом которого стал цикл стихотворений, объединенных общим названием «Палестина».

По воспоминаниям, в 1952 году Маршак как ребенок радовался тому, что друг его юности и соратник по сионистской организации «Поалей Цион» Ицхак Бен-Цви (он же – Ицхок Шимшелевич) стал вторым президентом Израиля.

В 1918 году во время Гражданской войны Маршак бежал на юг, к белым, на Кубань. В Екатеринодаре (нынешний Краснодар) работал в газете «Утро Юга», где под фриковским псевдонимом «Доктор Фрикен» публиковал клеймящие большевиков стихи и фельетоны. Такие, например:

ДВА КОМИССАРА

*Жили-были два «наркома»,
Кто не слышал их имен?
Звали первого Ерема,
А второго – Соломон.
Оба правили сурово,
Не боясь жестоких мер.
У того и у другого
Был в кармане револьвер.
Красовались в их петлице
Бутоньерки из гвоздик,
И возил их по столице
Колоссальный броневик.
Угрожая, негодую,
Оба в пламенных речах
На московского буржуя
Наводили жуть и страх.
Каждый в юности недаром
Был наукам обучен.
Был Ерема семинаром,
И экстерном Соломон...
К этим грозным властелинам
Все явились на поклон.
Брат Ерема был блондином
И брюнетом – Соломон.
Как-то раз в знакомом доме
У зеленого стола
О Московском Совнаркоме
Речь печальная зашла.
Ленин действует идейно.
Он – фанатик, маниак.
Но уж Троцкого-Бронштейна
Оправдать нельзя никак.
По каким же был причинам
Сей вердикт произнесен?
Брат Ерема был блондином,
Но брюнетом – Соломон...
А в другом знакомом доме
Разговор зашел о том,
Сколько нынче в Совнаркоме
Соломонов и Ерем.
И сказал чиновник в форме,
Что Израиля сыны
В трехпроцентной старой норме
В Совнаркоме быть должны.*

Уже на склоне лет Маршак принял живейшее участие в шумном поэтическом сраче вокруг стихотворения Евгения Евтушенко "Бабий яр". Не удивляйтесь термину – в те времена случались не только поэтические дискуссии, но и вполне себе поэтические срачи, не хуже тех, что сегодня идут в соцсетях – вот только участвовали в них не неизвестные юзеры, а знаменитые поэты.

Но мегасрач вокруг «Бабьего Яра» был, наверное, самым масштабным.

Евгений Евтушенко, завершивший стихотворение строками,

"Интернационал"

пусть прогремит,

когда навеки похоронен будет

последний на земле антисемит.

Еврейской крови нет в крови моей.

Но ненавистен злобой заскорузлой

я всем антисемитам,

как еврей,

и потому -

я настоящий русский!

хайпанул, как теперь выражаются, на все деньги.

Ор стоял до небес, одни ликовали, другие возмущались.

И в частности, стихотворение очень не понравилось поэту Алексею Маркову. Очень интересная была фигура. Бывший фронтовик, орденосец, красавец, эдакий русский богатырь, который в поэтической тусовке славился своим славянофильством и какой-то безбашенной храбростью – он не боялся в открытую критиковать однопартийность, цензуру и колхозы. Так, в 1968 году он резко выступил против ввода войск в Чехословакию, написав: *«Мне впервые стыдно, что я русский, славянская кровь на наших танках»*.

Ну а тогда он написал резкий поэтический ответ Евтушенко:

Какой ты настоящий русский,

Когда забыл про свой народ,

Душа, что брючки, стала узкой,

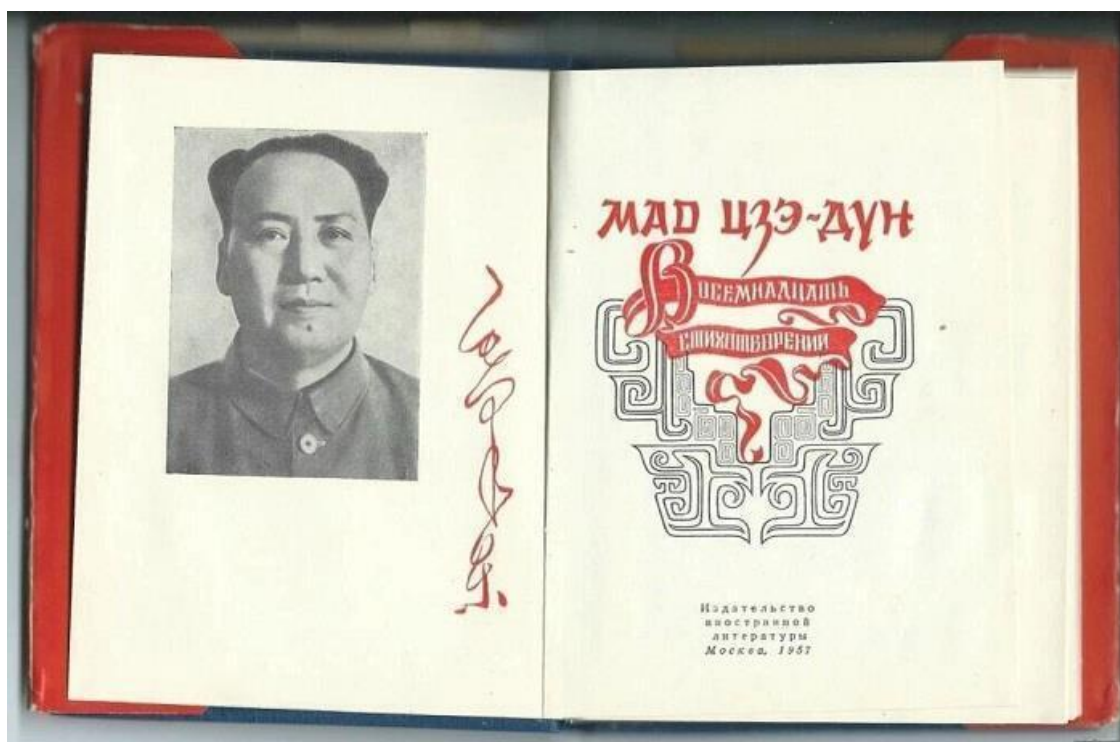
*Пустой, как лестничный пролет
Забыл, как свастикою ржавой,
Планету чуть не оплели,
Как за державою держава
Стирались с карты и с земли.
Гудели Освенцимы стоном
И обелисками дымы
Тянулись черным небосклоном
Все выше, выше в бездну тьмы.
Мир содрогнулся Бабьим Яром,
Но это был лишь первый яр,
Он разгорелся бы пожаром,
Земной охватывая шар.
И вот тогда – их поименно
На камне помянуть бы вряд, -
О, сколько пало миллионов
Российских стриженных ребят!
Их имена не сдуют ветры,
Не осквернит плевком пигмей,
Нет, мы не требовали метрик,
Глазастых заслонив детей.
Иль не Россия заслонила
Собою амбразуру ту ..???
Но хватит ворошить могилы,
Им больно, им неважно.
Пока топтать погосты будет
Хотя б один космополит, -
Я говорю:
"Я – русский, люди!"
И пепел в сердце мне стучит.*

После этого последовали несчитанные уже поэтические ответы Маркову – в том числе и от Маршака. Уже очень пожилой корифей детской литературы блеснул знанием дореволюционных антисемитов:

*Был в царское время известный герой
По имени Марков, по кличке "Второй".
Он в Думе скандалил, в газетах писал,
Всю жизнь от евреев Россию спасал.
Народ стал хозяином русской земли.
От Марковых прежних Россию спасли.
Но вот выступает сегодня в газете
Еще один Марков – теперь уже третий.
Не мог он сдержаться: поэт-нееврей
Погибших евреев жалеет, пигмей!
И Марков поэта долбаит "ответом" —
Обернутым в стих хулиганским кастетом.
В нем ярость клокочет, душа говорит!
Он так распалился, аж шапка горит.
Нет, это не вдруг: знать, жива подворотня —
Слинявшая в серую черная сотня.*

*Хотела бы вновь недобитая гнущь
Спасти от евреев Пречистую Русь.
И Маркову-третьему Марков-Второй
Кричит из могилы: "Спасибо, герой!"*

А чуть раньше, в 50-х годах Маршак принял участие еще в одном масштабном поэтическом проекте, но не неформальном сраче, а вполне официальном. В 1956 году было принято решение о переводе на русский язык 18 стихотворений Мао Цзедуна (который, по отзывам китайцев, действительно был очень талантливым поэтом).

Под этот проект была собрана бригада лучших советских поэтов и переводчиков, в которую вошли С. Маршак, А. Сурков и Н. Асеев, переводившие с подстрочников. Вот стихотворение Великого Кормчего "Чанша" в переводе великого детского поэта.

*В день осенний, холодный
Я стою над рекой многоводной,
Над текущим на север Сянцзяном.
Вижу горы и рои в наряде багряном,
Изумрудные воды прозрачной реки,
По которой рыбацьи снуют челноки.
Вижу: сокол взмывает стрелой к небосводу,
Рыба в мелкой воде промелькнула, как тень.
Все живое стремится сейчас на свободу
В этот ясный, подернутый инеем день.
Увидав многоцветный простор пред собою,
Что теряется где-то во мгле,
Задаешься вопросом: кто правит судьбою
Всех живых на бескрайней земле?
Мне припомнились дни отдаленной весны,*

*Те друзья, с кем учился я в школе.
Все мы были в то время бодры и сильны
И мечтали о будущей воле.
По-студенчески, с жаром мы споры вели
О вселенной, о судьбах родимой земли
И стихами во время досуга
Вдохновляли на подвиг друг друга.
В откровенных беседах своих молодежь
Не щадила тогдашних надменных вельмож.
Наши лодки неслись всем ветрам вопреки,
Но в пути задержали нас волны реки...*

Вскоре после выхода сборника Хрущев вдрызг разругался с Мао, стихи Председателя больше не переводили, и эти 18 стихотворений так и остались единственным изданным на русском поэтическим наследием китайского лидера.

Ну а теперь, от бранных литературных срачей и проектов мы переходим к вечному.
К сказкам.

"Говорят, под Новый год что ни пожелается..."

Пьесы Самуил Маршак писал всегда. Собственно, именно с них и начался его путь в детской литературе.

В прошлой главе я рассказывал, как Маршак, живший в Екатеринодаре, работал при белых в газете "Утро юга", где под псевдонимом "доктор Фрикен" писал антибольшевистские стишки:

*Жили-были два «наркома»,
Кто не слышал их имен?
Звали первого Ерема,
А второго – Соломон.*

Когда же белых из города выбили красные, переименовавшие город в Краснодар, Самуил Маршак сменил работу на более ответственную – стал заведующим секцией детских приютов и колоний в областном отделе народного образования. Народ в нарисовке подобрался высо-

кообразованный, молодой и творческий, поэтому они создали в Краснодаре один из первых детских театров страны.

Быть первым – это очень почетно, но могут возникнуть проблемы. Создатели первого детского театра быстро обнаружили, что практически никаких детских пьес на русском языке не существует. Единственный вариант – написать репертуар самим.

Этим Маршак и занялся. Причем не один. Как он сам вспоминал на закате жизни: *"Пьесы для театра писали по преимуществу двое – я и поэтесса Е. И. Васильева-Дмитриева. Это и было началом моей поэзии для детей..."*.

Васильевой поэтесса была по мужу, а в девичестве звалась Елизавета Ивановна Дмитриева.

Я понимаю, что легче не стало, поэтому назову еще одно ее имя – Черубина де Габриак.

Да, да, та самая, "заочная любовь" великих поэтов и повод для дуэли между Максимилианом Волошиным и Николаем Гумилевым.

Я не буду пересказывать всю историю этой на шумевшей литературной мистификации – нас в данный момент интересует только один сравнительно короткий период в жизни Елизаветы Ивановны.

Как известно, после разоблачения "Черубины" и невероятного скандала, молодая поэтесса прекращает общение с литераторами, перестает писать стихи, выходит замуж за инженера-мелиоратора Всеволода Николаевича Васильева, берет его фамилию и уезжает по его работе в Туркестан.

Потом происходит много чего, но вскоре после революции Васильева оказывается в Краснодаре. Там она и пишет пьесы на пару с Самуилом Маршаком.

Этот дуэт обладал какой-то невероятной производительностью, за очень небольшой срок они написали по несколько пьес соло и около десятка – в соавторстве: «Прологи», «Финист – ясный сокол», «Таир и Зорэ», «Летающий сундук», «Зеленый мяч», «Волшебная палочка» и «Опасная привычка».

Кубанские сотрудники наркомата образования веселились и тоже сочиняли стишки:

Пишет пьесы нам Маршак

Вместе с Черубиной.

В старину играли так

Лишь на пианино.

Нет резонов никаких

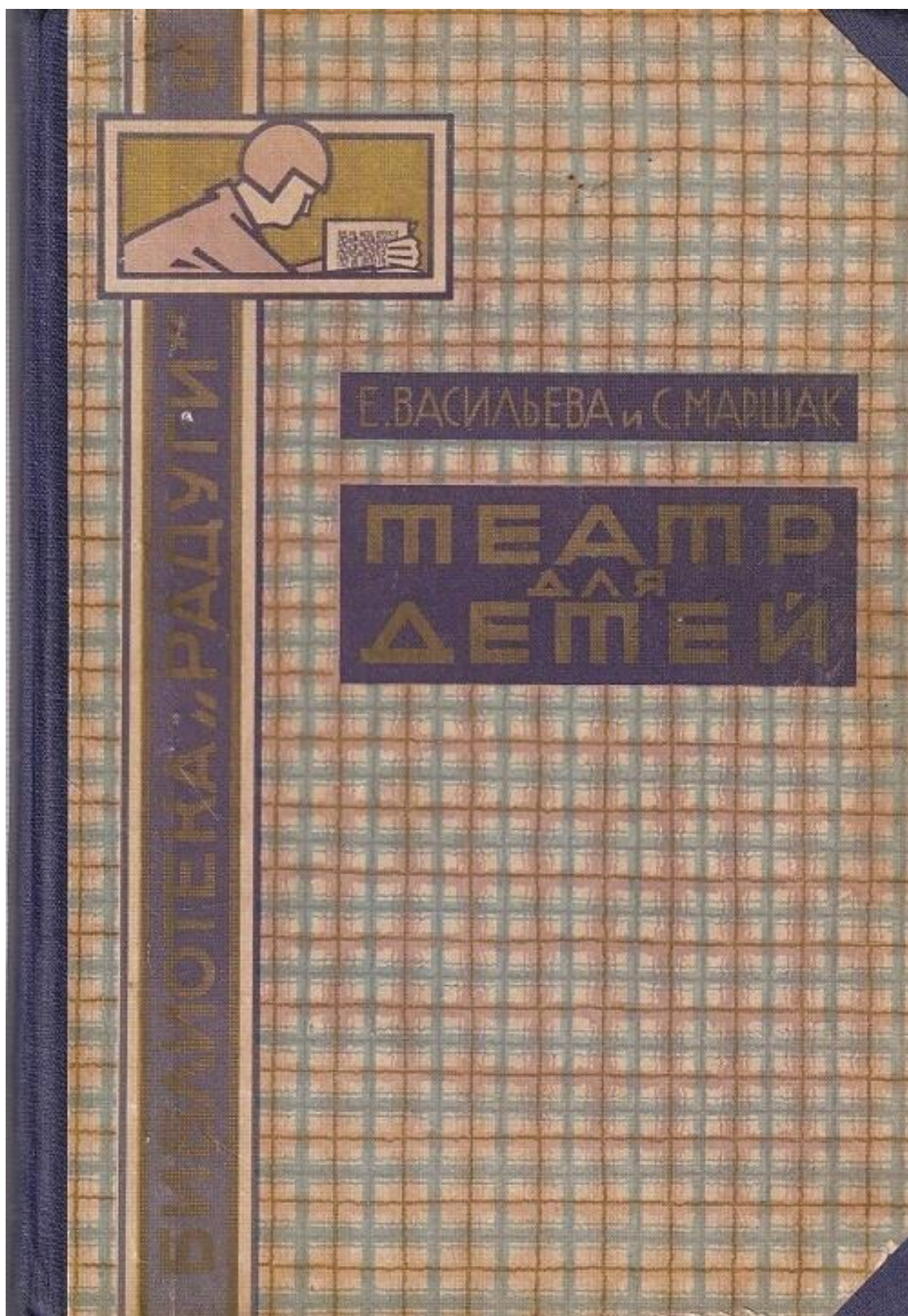
Им писать совместно,

Кто неграмотный из них —

Это неизвестно...

Довеселились – сборник пьес «Театр для детей» был издан в Москве в 1922 году и многократно переиздавался. А нарком Луначарский, ознакомившись с деятельностью краснодарского театра, пришел в восторг, обозвал театр "явлением всероссийского масштаба", и мгновенно организовал перевод Маршака и Васильевой в "культурную столицу" – благо, оба трудились в его ведомстве.

Этот перевод стал трамплином для взлета Маршака – буквально через несколько лет он уже возглавлял ленинградское отделение Детгиза. С Черубиной же все получилось наоборот – она, как известно, была арестована в 1927-м, умерла в ссылке в Ташкенте, и ее тексты не издавались до 1988 года. Единственным исключением были пьесы для детей – разумеется, благодаря второй фамилии на обложке.

После этого Маршак долго не писал пьес, а в войну вообще перестал писать для детей – только военные очерки, стихи и антифашистские эпиграммы.

Дети возмутились, и автор даже вынужден был оправдываться:

«Мой шестилетний корреспондент спрашивает меня, почему я, которого дети считают своим собственным писателем, изменил им и в последний год писал только для больших.

...Я по-прежнему верен детям, для которых всю жизнь писал сказки, песни, смешные книжки. По-прежнему я очень много думаю о них. Думать о детях – это значит думать о будущем.

И вот, думая о будущем, я не могу не отдавать себя целиком простой и скромной службе писателя военного времени».

Но, как нас всех учили в детстве, извиняться надо не словами, а делами. И Маршак садится за сказку...

«Двенадцать месяцев» я писал в суровой, затемненной, военной Москве – в часы отдыха от работы в газете и «Окнах ТАСС». Загруженный ежедневной спешной работой в газете, над листовкой и плакатом, я с трудом находил редкие часы для того, чтобы картину за картиной, действие за действием сочинять сказку для театра».

Сказка вышла в 1943 году.

Вернее – сразу две сказки.

Первые "12 месяцев" – прозаические, с подзаголовком "Славянская сказка".

Это еще одна версия той истории, которую когда-то рассказывали друг другу жители Богемии. Той самой истории, которая вдохновила знаменитую чешскую сказочницу Божену Немцову написать сказку "О двенадцати месяцах".

Богемская сказка была достаточно популярна в сороковые, достаточно вспомнить, что в 1941 году в Ленинграде вышла книжка "Двенадцать братьев. Богемская сказка". Эту версию написал Иван Белышев – сначала русский офицер, затем советский инженер-металлург, после детский писатель и просто хороший человек.

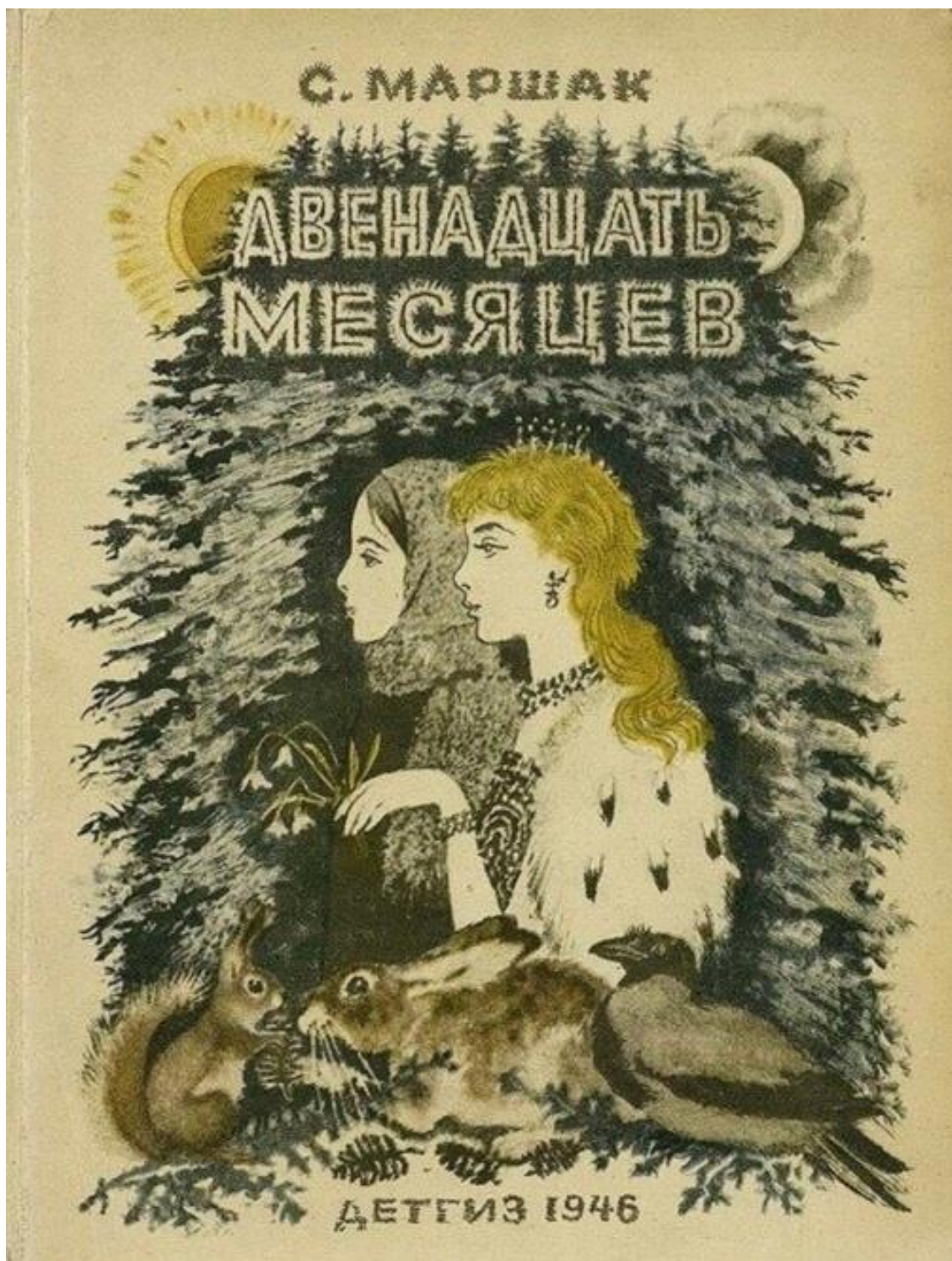

Писатель Леонид Пантелеев вспоминал о нем так: *"Несколько месяцев я жил без продуктовых карточек. Зная отношение ко мне Кетлинской, мама боялась идти за так называемой стандартной справкой. Потом пошла. И – первое чудо. В местном сидит Иван Петрович Бельшев. Он уже знает о моей беде. Не задумываясь, выписывает справку. Через месяц-полтора сам Бельшев умер от голода"*.

Так вот, прозаические "12 месяцев" Маршака – обычный пересказ чешской сказки, такой же, как у Бельшева. Он очень короткий, там ничего нет, кроме мачехи, двух ее дочек и похода зимой в лес сначала хорошей, а потом плохой дочери. По сути – тот же "Морозко". Кстати, в "славянской сказке" подснежники падчерице дарит март, а не апрель.

В Чехии климат мягче.

Иное дело – пьеса "Двенадцать месяцев".

Вот здесь Маршак оторвался вовсю и насочинял нового столько, что от оригинала остался только сам посыл. Тут тебе и правильные апрельские подснежники, и правильный брат-апрель, и переписанная концовка, и бравый солдат, и несчастный профессор-каблук, и замордовавшая его Королева, *"девочка лет четырнадцати"*.

А знаменитая перепалка в собачьих шубах с воплями: "Сама собака!"?

А восточный посол, скакавший в молодости на арабском скакуне, а *"Гори, гори ясно, чтобы не погасло"*, а *"Ты катись, катись, колечко..."*? Я даже песню глашатаев помню!

В лесу цветет подснежник,

А не метель метет,

И тот из вас мятежник,

Кто скажет: не цветет!

А иллюстрации Алфеевского в книжке, которая была у меня?

Господи, сколько лет прошло, а я все помню. Я помню даже реплику, исчезнувшую в современных изданиях: *"Не черница и голубица, госпожа гофмейстерица, а черника и голубика"*.

А это, извините, главный, если не единственный, критерий.

Если ты ее помнишь спустя много лет – это точно была хорошая сказка.

Не случайно пьесу еще во время войны, в марте 1945-го, поставили на сцене Свердловского дворца пионеров,

Расписание репетиций		
число месяц	часы	
10.345 суббота	Сбор в 42.9	Тренировка! песни С. Маршак "12 месяцев"
11.345 воскрес.	сбор в 32.9	Спектакль песни С. Маршак "12 месяцев" Начало в 6 час. веч.
15.3.4.5 четверг	62.6.	Общее собра- ние коллектива с обсуждением спектакля и планами на дальнейшее время.

В 1946-м Маршак за "Двенадцать месяцев" получил Сталинскую премию,

В 47-48 свои версии сделали МТЮЗ и МХАТ.

Потом к литературе и театру присоединились другие жанры.

В 1956-м Иванов-Вано поставил одноименный мультфильм – восьмой полнометражный мультфильм студии "Союзмультфильм",

В 1972-м режиссер Анатолий Граник – создатель Максима Перепелицы и вырабатывающего характер Алеши Птицына – сделал с питерскими актерами кинематографическую версию сказки.

А в 1980-м японцы показали аниме-версию, сделанную в рамках проекта «Знаменитые сказки мира» (#####), снятую где-то между "Дюймовочкой" и "Алладином".

Заметьте, несмотря на то, что "Двенадцать месяцев" – военная сказка, в ней практически не чувствуется война.

Разве что жестокость персонажей иногда зашкаливает. Из наследника Тутти намеренно выращивали чудовище с железным сердцем, но забалованная девочка-Королева умывает его как ребенка:

Королева (про себя). По-ми-ло-вать... Каз-нить... Лучшие напишу "казнить" – это короче.

Отсутствие войны в сказке было принципиальной позицией Маршака – он намеренно писал добрую волшебную сказку про Новый год, которая сможет хотя бы ненадолго отвлечь детей от реальности 1943-го.

Как он сам писал: *"Мне казалось, что в суровые времена дети – да, пожалуй, и взрослые – нуждаются в веселом праздничном представлении, в поэтической сказке..."*.

Но был другой классик детской литературы, который в этом вопросе придерживался прямо противоположного мнения.

О нем – в следующей главе.

Повесть о том, как поссорился Корней Иванович с Самуилом Яковлевичем

Начну со старой писательской байки. Однажды, еще до войны, Агния Барто по путевке Союза писателей заселялась в какой-то подмосковный санаторий, где уже отдыхали Чуковский и Маршак.

Провожая ее в номер, дежурная по этажу – малограмотная старушка из соседней деревни – рассказывала ей:

– А вы тоже, значит, из этих, из писателей? Тоже стихи для детей пишете?

– Ну да.

– И в зоопарке тоже подрабатываете?

– В каком зоопарке?

– Ну как же? Мне этот ваш, как его, Маршак рассказывал. Доход, говорит, у поэтов непостоянный, когда густо, когда пусто. Приходится в зоопарке подрабатывать. Я, говорит, гориллу изображаю, а Чуковский – ну, тот длинный из 101-го номера – тот, говорит, жирафом работает. А что? Почти по профессии, что там, что там – детишек веселить. И плотют хорошо! Горилле 300 рублей, а жирафу – 250. Это ж какие деньжищи за подработку в Москве плотют...

На следующий день Барто встретила Чуковского и смеясь, рассказала ему про розыгрыш Маршака. Корней Иванович хохотал как ребенок, а потом вдруг резко погрузился и сказал:

– И вот всю жизнь так: если ему – 300, то мне – 250!

Чуковского и Маршака вообще связывали странные отношения. Они были знакомы с молодости и всегда не только признавали, но и очень высоко ценили талант друг друга – и в

поэзии, и в прозе, и в переводе. По сути, каждый считал второго своим единственным достойным соперником, но по этой же причине оба поэта крайне ревниво следили друг за другом всю жизнь. И если чувствовали, что в данный момент проигрывали этот пожизненный забег "заклятому другу", могли и ляпнуть в его адрес что-нибудь обидное.

Творческие люди – они такие.

Именно по этой причине на свет появилась одна из известных эпиграмм на Маршака.

*Уезжая на вокзал,
Он Чуковского лобзал,
А, приехав на вокзал,
"Чуковский – сволочь!" – он сказал.
Вот какой рассеянный,
С улицы Бассейной!*

Но все это было, конечно, не всерьез.

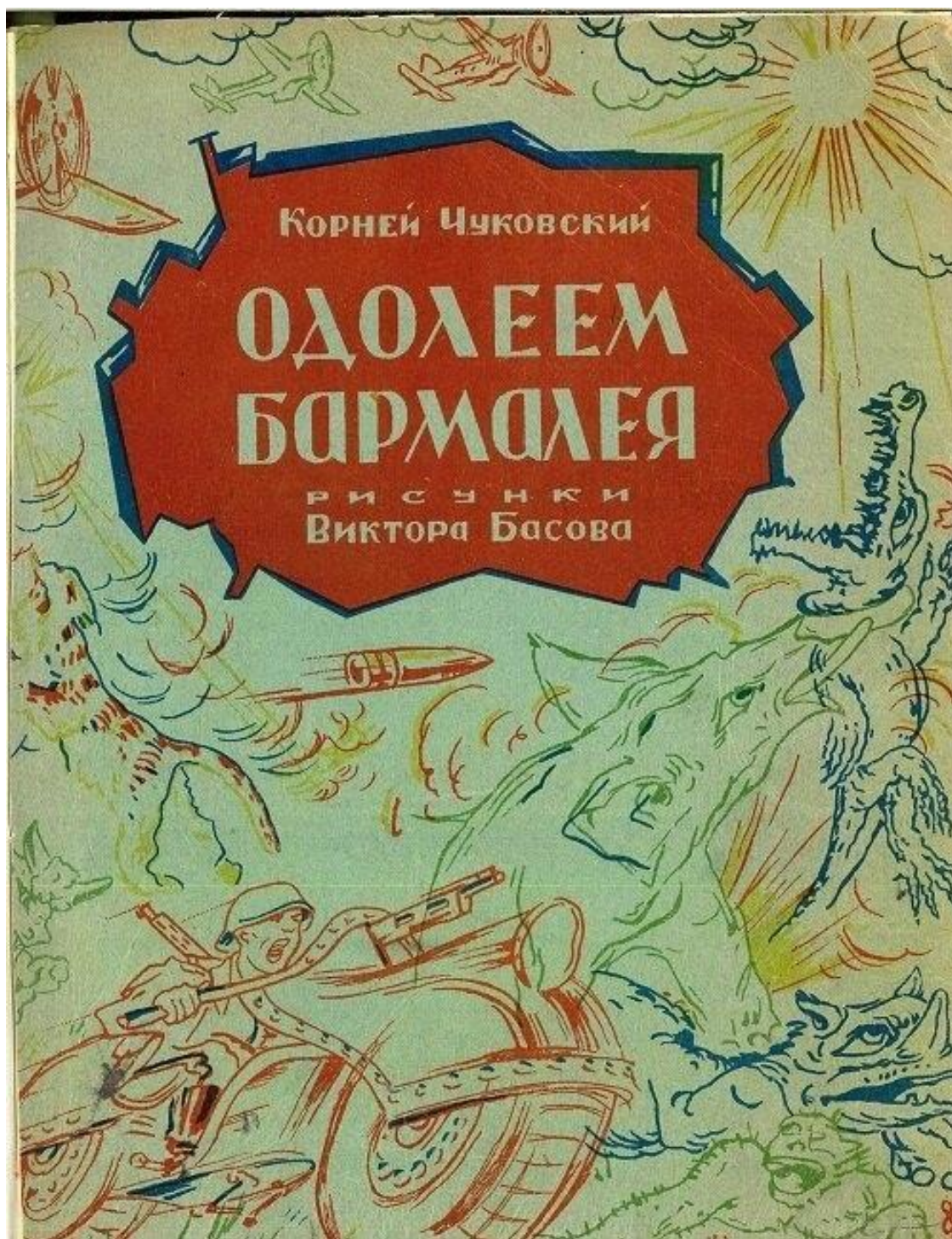
Всерьез они поссорились во время войны.

Маршак тогда остался в Москве, работал дома, и лишь когда объявляли воздушную тревогу, стучал в стенку домработнице – аккуратной и чопорной поволжской немке и кричал на весь дом: «Розалия Ивановна, ваши прилетели, пойдемте в убежище».

Чуковский же уехал в эвакуацию, в Ташкент, где сильно маялся. Доход у поэтов действительно не стабилен, вот он и писал в дневнике:

"Я опять на рубеже нищеты. Эти полтора месяца мы держались лишь тем, что я, выступая на всевозможных эстрадах, получал то 100, то 200, то 300 рублей. Сейчас это кончилось. А других источников денег не видно. Лидя за все свое пребывание здесь не получила ни гроша".

Там, в Ташкенте, он и решил заняться тем, чего не делал уже много-много лет – написать для детей новую сказку в стихах.

Сказка "Одолеем Бармалея" писалась тяжело.

И чисто технически не шло:

"Сперва совсем не писалось... Но в ночь на 1-ое и 2-ое марта – писал прямо набело десятки строк – как сомнамбула. Я писал стихами скорей, чем обычно пишу прозой; перо еле попевало за мыслями. А теперь застопорилось. Написано до слов:

Ты, мартышка-пулеметчик...

А что дальше писать, не знаю".

И общий настрой был неважным – ташкентская эвакуация оказалась одним из самых тяжелых периодов в жизни сказочника:

"День рождения. Ровно 60 лет. Ташкент. Цветет урюк. Прохладно. Раннее утро. Чирикают птицы. Будет жаркий день. Подарки у меня ко дню рождения такие. Боба пропал без вести. Последнее письмо от него – от 4 октября прошлого года из-под Вязьмы. Коля – в Ленинграде. С поврежденной ногой, на самом опасном фронте. Коля – стал бездомным: его квартиру разбомбили. У меня, очевидно, сгорела в Переделкине вся моя дача – со всей библиотекой, которую я собирал всю жизнь. И с такими картами на руках я должен писать веселую победную сказку".

Тем не менее, к лету сказка была закончена. Тяжелая депрессия Чуковского серьезно сказалась на тексте – сказка о войне Айболита с Бармалеем получилась очень злой, чем-то вроде "Убей немца" для самых маленьких. Доброты вышедших чуть позже "12 месяцев" Маршака там не было и в помине.

Дальше... Дальше началось все то, что обычно происходит с творениями живых классиков.

"Одолеем Бармалея" ушла для публикации в Ташкентское отделение издательства «Советский писатель», в начале августа отрывки были напечатаны в «Правде Востока», а потом, в августе-сентябре, состоялась и первая полная публикация – в главной детской газете страны, в «Пионерской правде».

В 1943 году сказка вышла отдельными изданиями в Ереване, в Ташкенте и Пензе, она вошла в план публикаций журнала "Огонек", а директор Гослитиздата П. И. Чагин собирался включить отрывок из сказки в антологию советской поэзии к 25-летию Октябрьской революции.

А потом случилось неожиданное.

Антологию принесли показать Сталину. Вождь, сам в юности не чуждый поэзии, внимательно изучил книгу, вычеркнул оттуда достаточно много стихов (в том числе и посвященных ему) и написал в вердикте, что *"никакая это не антология, а сборник стихов"*. Так – автографом вождя – новое название книжки и было воспроизведено на обложке.

Сказку Чуковского "Одолеем Бармалея" вождь из сборника тоже выбросил. И, судя по всему, попросил разобраться.

Так или иначе, но в № 52 газеты "Правда" от 1 марта 1944 года появилась статья одного из главных тогдашних советских идеологов, директора Института философии АН СССР, профессора и член-корра Павла Юдина под названием "Пошлая и вредная стряпня К. Чуковского".

**ГОРНЯЦКИЙ РАЙОН ГОРОДА КОПЕЙСКА, ЧЕЛЯБИНСКОЙ
ОБЛАСТИ, КОЛХОЗ ИМЕНИ VII С'ЕЗДА СОВЕТОВ ПРЕДСЕДАТЕЛЮ
КОЛХОЗА тов. УСТИНОВУ.**

Прошу передать колхозникам и колхозницам колхоза имени VII С'езда Советов, собравшим 200.000 рублей на постройку танков,— мой братский привет и благодарность Красной Армии.

И. СТАЛИН.

Пошлая и вредная стряпня К. Чуковского

К. Чуковский — известный детский писатель. Его стихи разучивают дети, читают взрослые.

Понятно, что детский писатель должен считаться с тем, что он пишет во время войны. Ведь война не проходит мимо детей. Жестокый и неумолимый враг не щадит детей

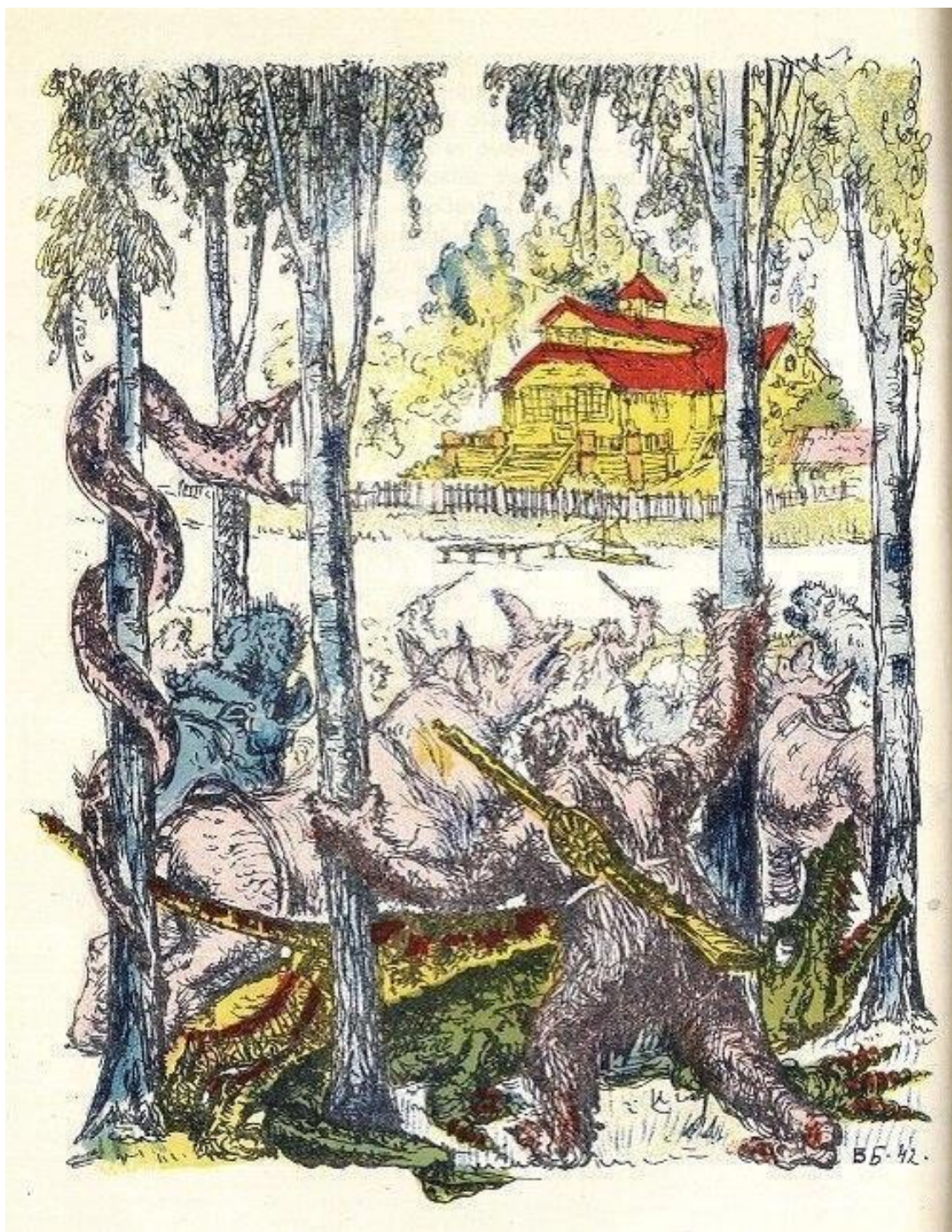
где-то есть могучая страна Чудославия, держава славы, родина героев, откуда прилетает знаменитый и непобедимый пионер Ваня Васильчиков, убивающий Бармалея.

Детский зверинец — абсолютно неподходящий материал для изображения современной войны. Для изображения врага подобных среди зверей найдется сколько угодно.

В выражениях автор не стеснялся, но, открою вам тайну — в те времена выражений не выбирал никто. Тогда почти вся критика была такой.

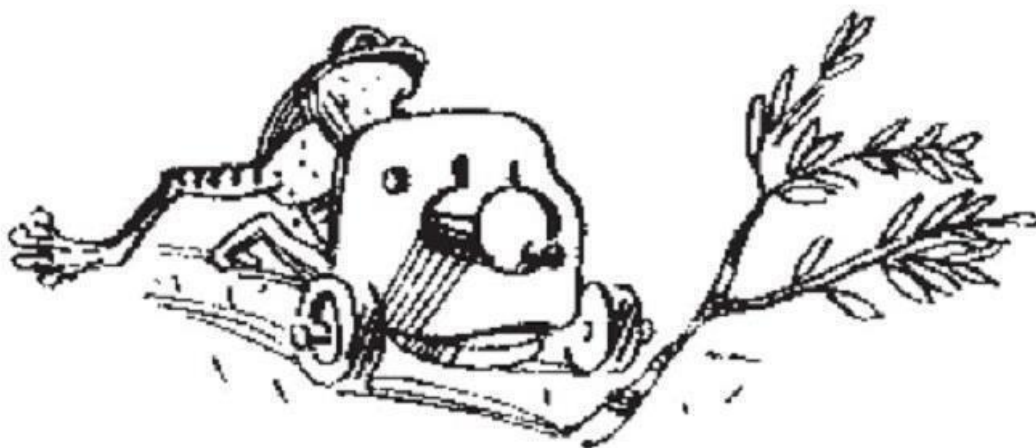
Но при этом будущий академик Юдин не только ругался, но и писал довольно разумные вещи:

"Лягушата, зайцы, верблюды, белки, журавли захватили у агрессора трофеи: сто четыре батареи, триста ящиков гранат, полевой аэростат, сто двадцать миллионов нерасстрелянных патронов.

И получается у Чуковского полное искажение реальных представлений. Зачем, спрашивается, лягушкам и зайцам бомбардировщики, мотоциклы, велосипеды? Как ребенок может представить, что лягушонок управляет настоящим танком, или воробья, едущего на мотоцикле, а утенок стреляет из тяжелых орудий?"

И в этом вопросе, честно говоря, я на стороне сталинских сатрапов. Потому что в сказке у Чуковского реальная жесть. У него там акула на суше командует артиллерийской батареей, рядом с нею – лягушка-пулеметчица

и тут же – три орлицы-партизанки, сперва *сбивающие* танки, а потом катающиеся в них.
Ну и апофеозом – мой любимый образ – орангутанги на волках с минометами в руках.
Тут даже художник не выдержал, и минометы заменил.

Проблема не в неудачных образах, проблема в том, что кроме лютого – именно лютого – бреда в сказке мало что есть.

Вышел доктор на балкон,
Тихо в небо глянул он:
«Да над нами самолёт,
В самолёте – бегемот,
У того у бегемота
Скорострельный пулёмт.
Он летает над болотом,
Реет бреющим полетом,
Чуть пониже тополей,

*И строчит из пулемёта
В перепуганных детей».*

Вышел доктор на балкон,
Тихо в небо глянул он:
«Да, над нами самолёт,
В самолёте — бегемот,
У того у бегемота
Скорострельный пулемёт.
Он летает над болотом,
Реет бреющим полетом,
Чуть пониже тополей,
И строчит из пулемёта
В перепуганных детей».

Вопросы жмут мне череп. Почему в самолет посадили именно бегемота? Это что — намек на Геринга? Как у Чуковского получилось засадить болото тополями? И, самое главное — что делали в болоте *перепуганные дети*?

Если вы думаете, что я придираюсь — я не придираюсь. Там все так! на фоне этого бреда экзекутор Юдин, интересующийся, можно ли *"убедить ребенка, что добрый и храбрый воробей сбил настоящий бомбардировщик"* выглядит добрым дедушкой.

И все это приправлено какой-то запредельной жостью.

3

Только, глядь, сидит лисица
У студёного ручья:
«Здравствуй, Ваня, храбрый рыцарь,
Я — союзница твоя!»

Но, минуты не теряя,
Он пырнул её штыком,
И в овраг лисица злая
Покатилась кувырком
И в крапиву свалилася дохлая.

Один конец Бармалея дорогого стоит.

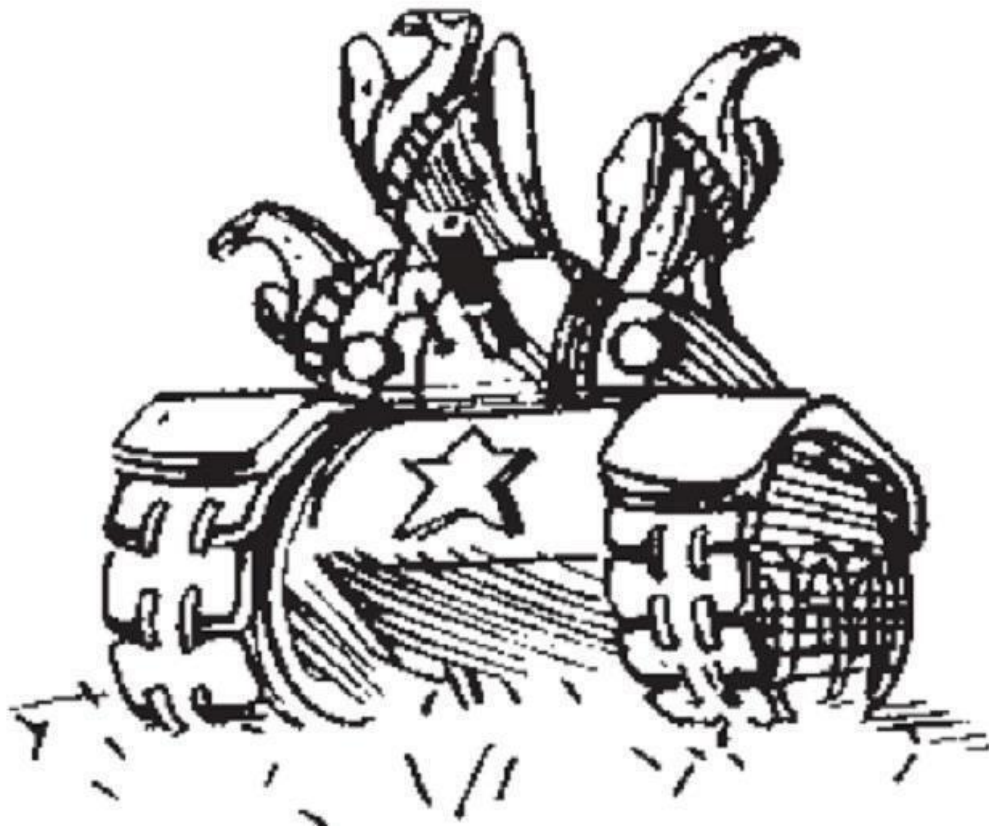
"И примчались на танке

Три орлицы-партизанки

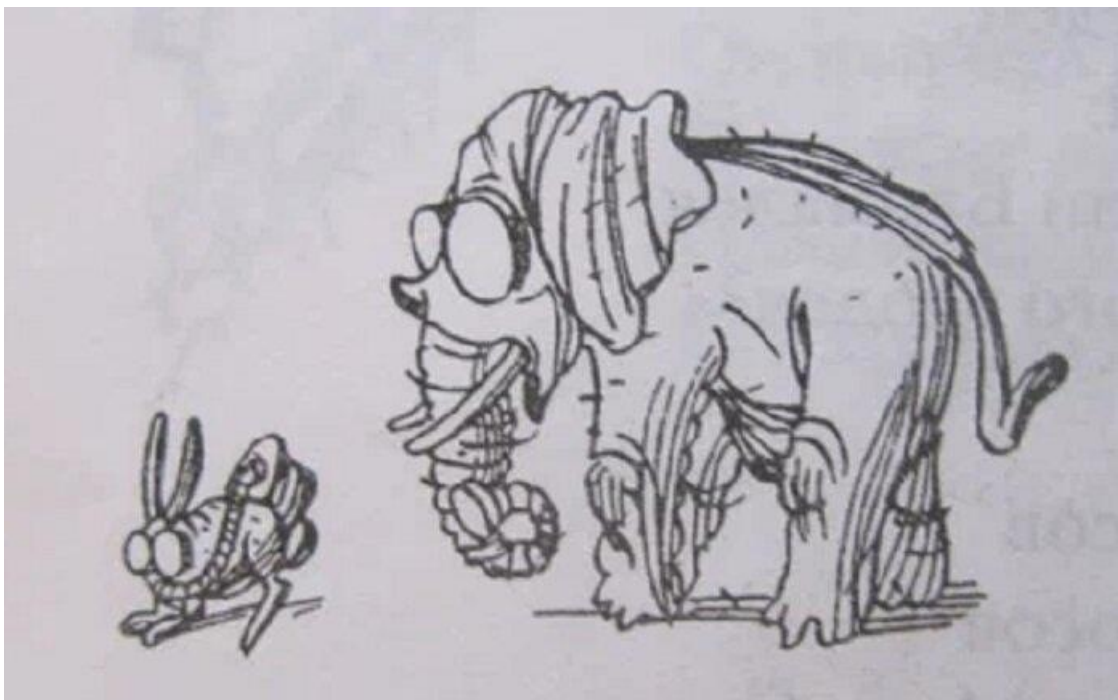
И суровым промолвили голосом:

«Ты предатель и убийца,

Мародёр и живодёр!

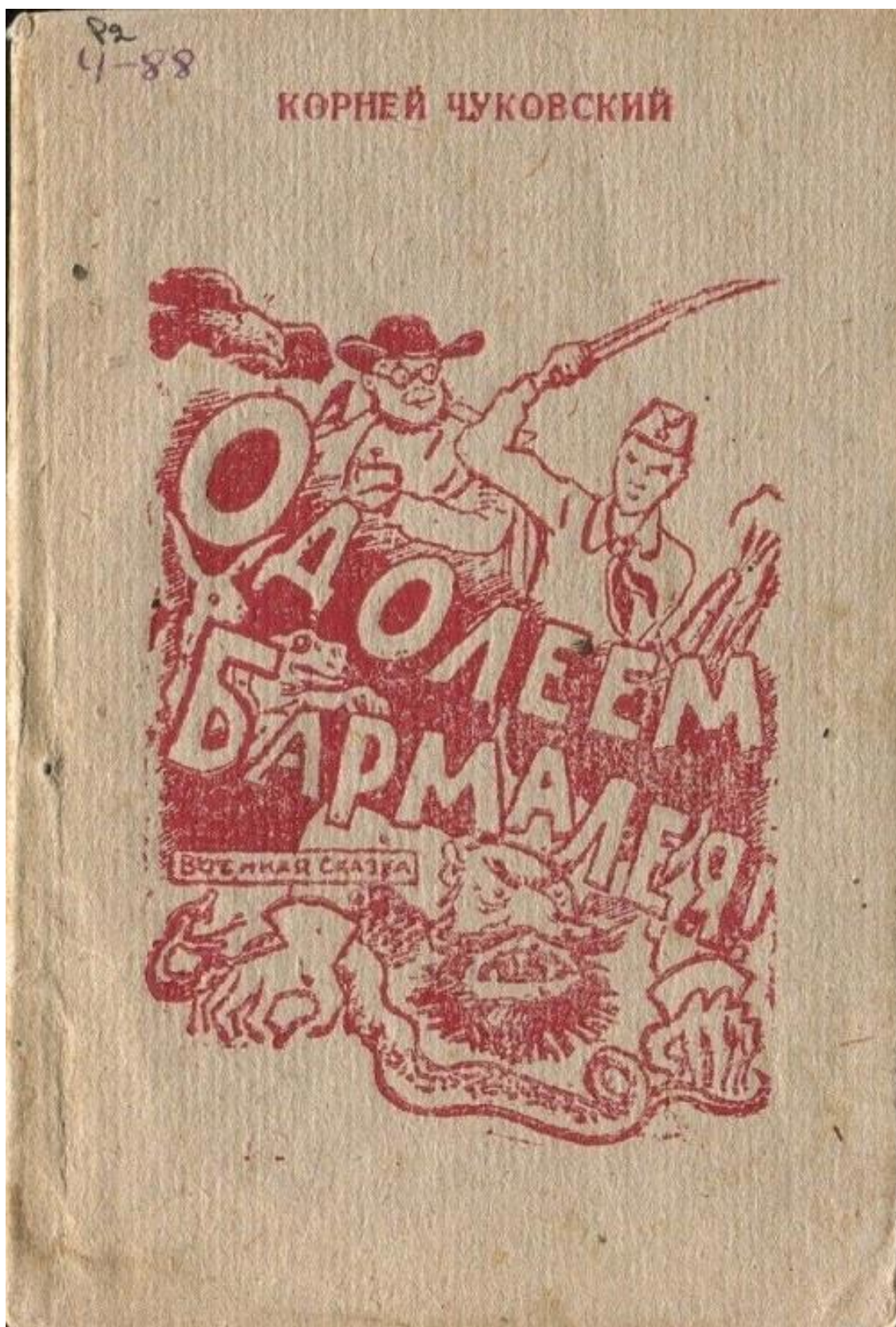

*Ты послушай, кровопийца,
Всенародный приговор:
НЕНАВИСТНОГО ПИРАТА
РАССТРЕЛЯТЬ ИЗ АВТОМАТА
НЕМЕДЛЕННО!»*
*И сразу же в тихое утро осеннее,
В восемь часов в воскресенье
Был приговор приведён в исполнение.
И столько зловонного хлынуло яда
Из чёрного сердца убитого гада,
Что даже гиены поганые
И те зашатались, как пьяные.
Упали в траву, заболели
И все до одной околели.
А добрые звери спаслись от заразы,
Спасли их чудесные противогазы.*

В общем, автор статьи в "Правде" резонно замечает, что автору сказки глобально изменил вкус. Статья заканчивается двумя фразами: *"«Военная сказка» К. Чуковского характеризует автора, как человека, или не понимающего долга писателя в Отечественной войне, или сознательно опошляющего великие задачи воспитания детей в духе социалистического патриотизма. Ташкентское издательство сделало ошибку, выпустив плохую и вредную книжку К. Чуковского"*.

Чуковский попытался запустить контр-волну поддержки, собирал подписи, но успеха не имел. Издания 1943 года оказались последними.

Сказку "Одолеем Бармалея" убрали из верстки готовившегося авторского сборника «Чудо-дерево» и больше в Союзе никогда не издавали, переиздания пошли только в новой России.

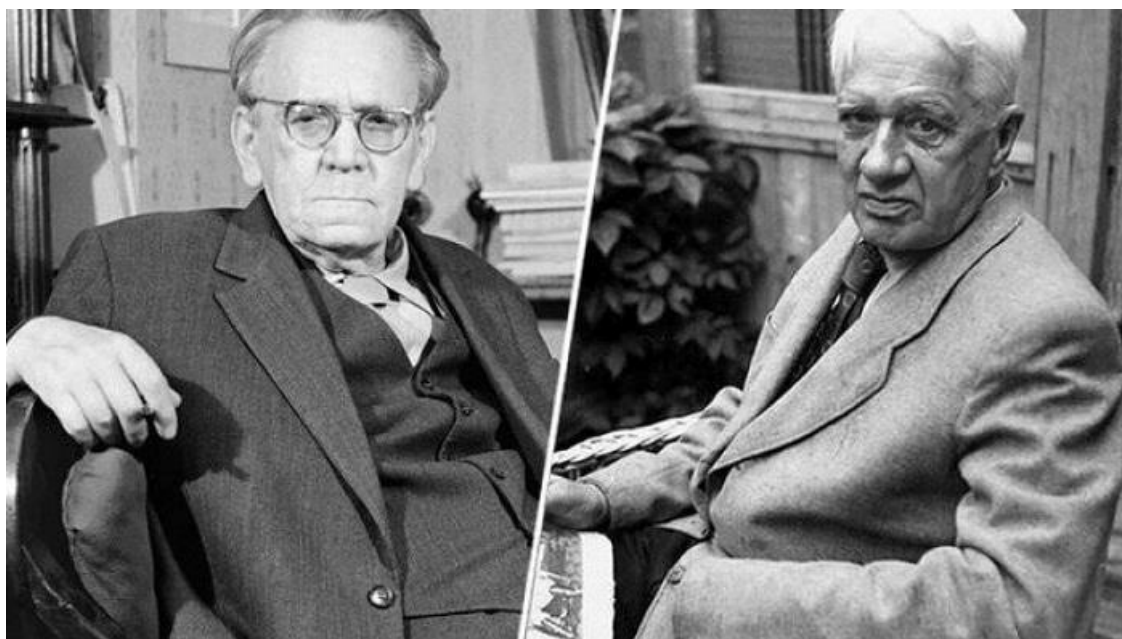
Но именно во время сбора подписей два детских поэта разругались всерьез. Прочитавший сказку Маршак отказался подписывать письмо в поддержку, и мстительный Чуковский записал в дневнике:

"Маршак вновь открылся предо мною как великий лицемер и лукавец – не подписал бумаги, которую подписали Толстой и Шолохов. Дело идет не о том, чтобы расхвалить мою сказку, а о том, чтобы защитить ее от подлых интриг Детгиза. Но он стал "откровенно и дружески", "из любви ко мне" утверждать, что сказка вышла у меня неудачная, что лучше мне не печатать ее, и не подписал бумаги... Сказка действительно слабовата, но ведь речь шла о солидарности моего товарища со мною».

Маршак, об обидчивости которого ходили легенды (однажды он всерьез запретил приводить к нему 4-летнюю девочку, сказавшую, что "Человека Рассеянного" написала ее няня) об этом прослышал и тоже записал Чуковского в персоны нон-грата.

Пятнадцать лет они не здоровались, но в оба глаза и оба уха следили друг за другом. У Райкина есть очень смешные воспоминания, как он ходил в гости сперва к одному, затем к другому, очень рекомендую ознакомиться, гуглить по фразе *«Клара Израилевна, а валенки? Крепостное право у нас дома еще никто не отменял!»*.

Помирились старики только на 75-летие Чуковского. Тяжело болевший Маршак прийти не смог, но прислал знаменитое «Послание семидесятипятилетнему К. И. Чуковскому от семидесятилетнего С. Маршака»

*Мой старьй, добрьй друг Корней
Иванович Чуковский!
Хоть стал ты чуточку белей,
Тебя не старит юбилей:
Я ни одной черты твоей
Не знаю стариковской.*

Потом был большой кусок в стиле "бойцы вспоминают минувшие дни, и битвы, где храбро рубились они", а заканчивалось все так:

*Кощеи эти и меня
Терзали и тревожили*

*И все ж до нынешнего дня
С тобой мы оба дожили.
Могли погибнуть ты и я,
Но, к счастью, есть на свете
У нас могучие друзья,
Которым имя – дети!*

Растроганный Чуковский тем же вечером написал ответное письмо:

«Дорогой Самуил Яковлевич. Как весело мне писать это слово. Потому что – нужно же высказать вслух – между нами долго была какая-то стена, какая-то недоговоренность, какая-то полулюбовь. <...> От всей души протягиваю Вам свою 75-летнюю руку – и не нахожу в себе ничего, кроме самого светлого чувства к своему старинному другу».

Ну а старый спор двух сказочников о доброй и злой сказке давно рассудил самый беспристрастный судья – время.

Злую сказку "Одолеем Бармалея" знают только литературоведы. А добрая сказка "12 месяцев" – давно и прочно вошла в наш культурный код.

А все почему?

Потому что старый и мудрый Маршак прекрасно знал одну нехитрую истину, которую убитый горем Чуковский забыл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.